

Колмеб

3

МАРТ

1964

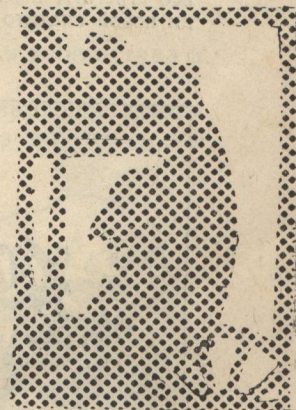
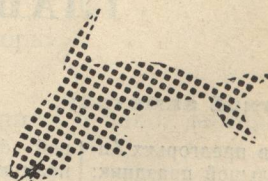
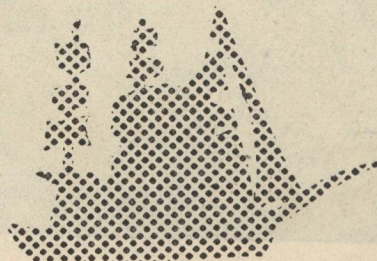
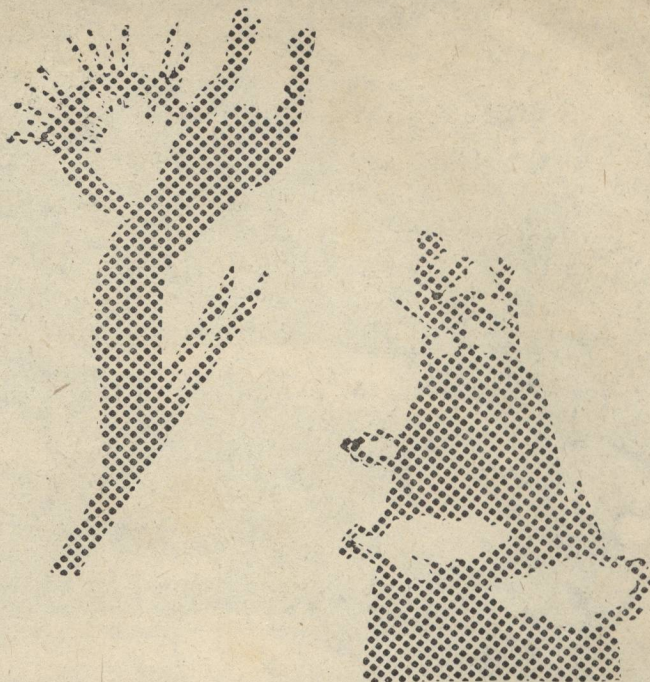

ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Эту фотографию прислал на конкурс юнноров Коля Дмитриев из города Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области.

А на страницах 28, 29 вы найдете заметки, фельетоны, рисунки, карикатуры других юнноров „Костра“.

- Главный рудник страны**
репортаж И. ВОЙТЕНКО 2
- Три рассказа о Тарасе Шевченко**
Ю. МАРГОЛИСА 7
- Зимний лагерь капитана Грина**
повесть В. БАХРЕВСКОГО 9
- Перед весной**
стихи В. ШОШИНА 26
- Два вопроса о космосе**
с ответами астронома Н. КУЧЕРОВА 27
- Конкурс КЮКа**
пишут и рисуют юнкоры 28
- Масштабные ребята**
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО 30
- Красный шарф**
очерк Р. КРАСИЛЬЩИКОВОЙ 41
- Два пиастра**
отрывок из романа НГО ТАТ ТО 44
- О чем рассказали рисунки**
находка М. ХЕЙФЕЦА 48
- Бесстрашная**
очерк И. ГЛАДКИХ 49
- О скорости и „спокойной точке“**
сообщает Р. ФЕДОРОВ 51
- Джуба**
баллада И. ТОБОЛЬСКОГО 52
- Улыбайся на зло врагу**
В. КОВАЛЕВА — о ГУСТЕ ФУЧИКОВОЙ 54
- Запутались**
фельетон В. СУСЛОВА 56
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, рисунки, фотографии 57
- Морская энциклопедия**
под редакцией С. САХАРНОВА 58
- У костра**
музыка В. СОКОЛОВА. Слова Е. ТАРАХОВСКОЙ 60
- Уголок веселого архивариуса 61**
- Кому подчиняется шайба**
беседа заслуженного тренера СССР А. ТАРАСОВА 62
- Подарки боцману Румпелю 64**

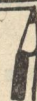

ГЛАВНЫЙ РУДНИК СТРАНЫ

(Из газетной заметки)

«...Вчера в предгорьях Хибин был большой праздник: все агрегаты первой очереди новой апатито-нефелиновой фабрики пущены на полную мощность. Апатитовая руда будет поступать в цехи с горного плато Расвумчорр, где сейчас полным ходом возводится крупнейший в Европе рудник Центральный...»

*плато
Расвумчорр*

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего ВОЙТЕНКО И.З. командировается редакцией журнала "Костер" на плато Расвумчорр (Хибины).

Костёр

Ежемесячный
детский журнал

Отв. редактор

(занесено в записную книжку перед отъездом)

Хибиногорск

1930 г.

«Борьба с природой в Хибинах едва ли мыслима для человека. Желать развития там какой-либо промышленности — значит желать невозможного.»

Наместник царя на Кольской земле

«Много вам придется поработать, чтобы обломать эти края!»

С. М. Киров

Штурм гор начал академик Ферсман. Экспедиция 1923 г.; акад. Ферсман + 9 студентов + мешок муки.

1 января 1930 года: в Хибиногорске всего 1 дом (барак).
А сейчас?»

(стенограмма телефонного разговора Кировск — Мурманск)

«— Ал-ло, ал-ло, Мурманск! Мурманск! Тр-р-р ти-та-та-та тит-та-та-ти, когда селедку отгрузите? Тр-р-р... Да нет же, кран еще не получили. Ти-та-ти-ти... Артисты? Пусть едут! Холодильники приготовили. И моторы, моторы шлите... Ал-ло — ало-ло, Мурманск!

— Тр-р, Мурманск, тр-р-р, — Мурманск слушает!

— Юрка, здравствуй!

— С приездом, Игорь! Надолго к нам?

— Тр-р, ти-тит-ти! Турбины ждем, турбины! Вз-з-з-з!

— ...На две! Недели на две, говорю! Приехал, а тебя нет! Ты что в Мурманске делаешь?

— Вездеход для экспедиции вышибаю!

— У вас же совсем новые?

— Расширится фронт изысканий!..»

(из письма)

«Мама! Вот я и стал северянином. Ты напрасно беспокоишься обо мне. Исправно ношу шерстяной свитер. К сушеной картошке и к сухому молоку уже привык. Медведя не встречал и шкуру, видимо, привезти не смогу. Здесь — сплошная цивилизация! Живу — как в отпуске: даже станция неподалеку называется не как-нибудь, а Африканда! Тепло и мухи не кусают!

Африканда

Игорь»

(из записной книжки)

«Поездка на плато Расвумчорр — купить: 5 банок комариного яда, противомоскитную сетку.»

(из письма другу-полярнику)

«...Ты слышал что-нибудь о малой Антарктиде? Так я тебе оттуда и пишу.»

Пока мы добирались, я натерпелся страху. Представляешь, туман настолько плотен, что не видно машин, идущих друг за другом шина в шину, а пропасть — рядом. Чуть просчитался — и каюк, закувыркаешься с самых облаков!

Дорога одна-единственная, действует лишь четверть года, а зимой — только санно-тракторный поезд (5 тракторов и громадные сани) рискует подняться вверх. На 11 километров иногда тратится несколько суток! На санях даже сделан теплый деревянный дом для рабочих. Чем не Антарктида?

Весь пятачок на высоте 1040 м забит строящимися зданиями, вагончиками, буровыми установками, катушками кабелей и бог знает чем еще. Шум перфораторов, мощных дизелей и тракторов глухим эхом раскатывается по ущельям....»

(из письма другу-ботанику)

«Если в долине можно поваляться на травке, то на нашей крыше — хоть шаром покати! Одни камни. Апатитовая жила настолько мощная, что отравляет все растения. Странно — удобрение и вдруг яд!

Но ты бы знал, сколько здесь апатита! Сверху его прикрывает лишь тонкая броня скалы. День и ночь в скалах бурят дыры для заповалов, тысячи деревянных пробок оберегают их от дождя.

Вот опять предупредительные гудки. Люди уходят в укрытие! Будет очередной мощный взрыв. Черные тучи выползают из ущелий. Они окружили нас сплошным кольцом. Скверно, если снова летняя выюга. Ну, да ничего! Кончаю! А то опрокинется пузырек с чернилами!»

(из записной книжки)

«В 1960 году на плато зазимовали первые 18 строителей. Они оказались словно на необитаемом острове. После первой метели с ними вообще потеряли связь. Заваленные снегом люди обживали недоступное место. И выдержали!»

(из дневника рабочего Н. — переписано для будущего очерка)

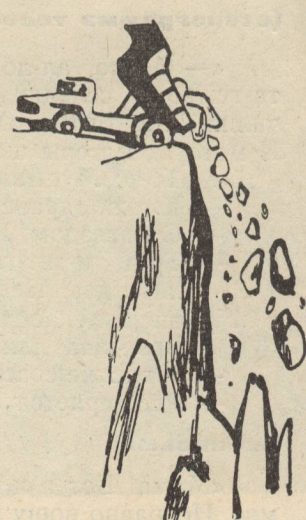
«Вчера наш дом откопали из-под снега. Один из трактористов забыл расположение домов и чуть не провалился к нам сквозь крышу!

* * *

Вот это ураган! 60 метров в секунду! Наши шахтные копры опять раздеты начисто! За зиму мы будем обшивать их толстыми досками третий раз!

* * *

Видел, как ледяная глыба танцевала в воздухе!..»

(из собственного дневника)

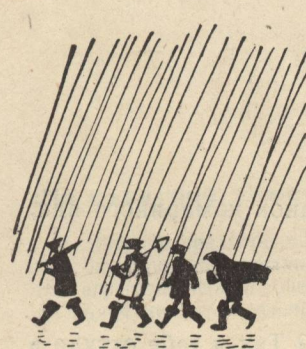
«Целый день сегодня ездил на 25-тонных самосвалах. Вывозим из рудника пустую породу и сбрасываем ее прямо в ущелье. Далеко внизу сплошная тьма и острые черные зубцы скал, как на Луне.

Рядом с рудником я увидел — стоят два стальных чудовища на гусеницах. Я подумал, это ракетные установки. Подошел и говорю: хорошо ракеты! Как бы наше плато не лопнуло при старте!

А рабочие отвечают: «Так мы их сюда специально и привезли. Они будут резать скалу, как масло! Это турбобур!»

* * *

Немного трудно дышать. Здесь не хватает 25% кислорода. Я ухажу с ребятами в каменные траншеи: готовить место для гаража и ремонтных мастерских. Эти ребята — студенты из Ленинграда. Они решили пожертвовать своими летними каникулами и приехали помочь строителям рудника Центральный. Опять хлещет дождь. Насосы не справляются, а солнца нет совсем...»

идут на
смену

(из песни, написанной студентом А. Крупном)

Высоко живем мы на Хибинских кручах,
Куда не часто в гости даже птица залегит.
По хибинским камешкам бродят только тучи,
А под ногами апатит лежит.
Камешки, камешки! Ах, какие камешки
Мы дробим отбойным молотком.

Камешки, камешки, маленькие камешки
Размерами с многоэтажный дом!
С молотком отбойным, с ломом и лопатой
Мы уходим вглубь, ломая на куски гранит.
До чего же, право, здесь крепкие ребята, —
Перед ними и скала не устоит!

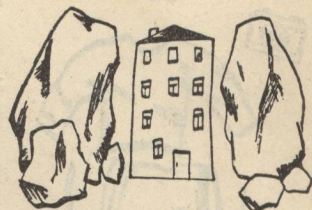
Камешки, камешки, ах, какие камешки...»

(из письма другу-летчику)

«...Есть тут такой один человек. Саша Васильев, 27 лет, шофер. Этот самый Саша не променяет Хибин ни на какой юг. Кстати, он там и не был. Каждый год покупает билет до Сочи или до Батуми, чтобы провести там отпуск, и каждый год с полпути пересаживается на обратный поезд. Он берет палатку, походную газовую плиту, ружье, рыболовные снасти и неделями пропадает на северных озерах.

Но я все не к тому клоню. Саша вернулся из очередного «отпуска». И, представь, на этот раз не идет в горы. Он вернулся достраивать самолет. Да, да, не удивляйся! Настоящий самолет типа ПО-2, только

с мотоциклетным двигателем. Уже готов фюзеляж, крылья, отлит винт, есть необходимые приборы. Но дело сейчас стало. Нигде не может достать для соединений трубок нужного диаметра. Обращался и в горком партии и на аэродром. Нет у них таких трубок. Слушай, Володя! Я посылаю тебе перечень необходимых трубок. Если сможешь их достать — то срочно вышли. Ты здорово выручишь Сашу. На будущий год он обещал меня покатасть на самолете над Хибинами. Рискнуть, а? С ним что-то не страшно рисковать! Я, пожалуй, рискну!..»

ТЕЛЕГРАММА

ЛЕНИНГРАД С-15 ТАВРИЧЕСКАЯ 37 РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА КОСТЕР

НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОШУ ПРОДЛИТЬ НА НЕДЕЛЮ КОМАНДИРОВКУ
ОРОЧНО ВЫСЫЛАЙТЕ САМОЛЕТОМ ПЛЕНКУ ОБЯЗАТЕЛЬНО В ЖЕЛЕЗНОЙ
КОРОБКЕ МОЯ ОТСЫРЕЛА ОТВЕТ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВОЙТЕНКО-

(из письма, посланного вслед за телеграммой)

«...Обидно до слез за фотопленку. Весь рулон отсырел. Но что ж поделаешь, если туман залезает даже за шиворот и в карманы.

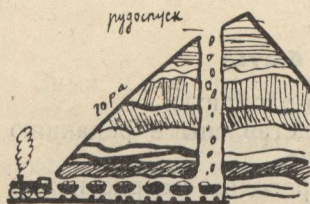
У нас на плато каждый день новости. Открылось молодежное кафе. Собрали еще два электрических экскаватора, а сегодня начаты стены нового здания. В нем будут сушилки и души для рабочих.

Шахт, которые здесь строят, у нас в стране еще нет. Обычно шахты роют, чтобы добывать руду из глубин земли. Но ведь здесь апатит будут добывать с самой вершины плато! А для чего шахты? Для того, оказывается, чтобы спустить по ним руду в долину. Они так и называются — рудоспуски. Рудоспусков будет 3. И четвертая шахта — с лифтом на 50 человек, — рабочие смогут подниматься на плато за несколько минут.

Хорошо придумали, правда? Только это очень опасная работа, пробивка стволов. Они уходят вниз чуть ли не на 600 м. Прямые, как струна, а шириной чуть больше пяти метров. На дне каменного колодца по очереди трудятся несколько бригад. Сперва готовят дно шахты для взрыва. После взрыва забой вентилируется. Затем спускается бригада, которая грузит взорванную породу в бадью и отправляет ее наверх. За сутки колодец углубляется на полтора метра, и это много!
В шахте я еще не был. Так что задержаться мне необходимо!»

(наброски в записной книжке)

«...Перед спуском нам выдали теплые шапочки, похожие на спортивные, сверху надели стальные шлемы. Резиновая куртка, сапоги и ре-

зиновые брюки чуть ли не с двухметровыми лямками завершили наш шикарный туалет.

— Затягивай лямки потуже! — предупредил меня Приходько.

Я обмотал лямки вокруг пояса два раза, подпрыгнул. Вроде держатся. Прицепив на случай аварии самоспасатель (это баллон с запасом кислорода на 40 мин), мы влезли в бадью.

Замигали лампочки. Под нами открылись дверцы люка, и бадья на тросах полетела в бездну, со свистом рассекая воздух. Я вцепился в Приходько, чувствуя, что дно уходит у меня из-под ног.

— Э-э-э, — рассмеялся он, — космонавта из вас не получится!

Холодно, каменная стена совсем рядом — только протяни руку. Ручейки воды стекали по ней.

— Осторожно! — успел предупредить меня Приходько. И как раз в тот момент, когда я хотел заглянуть через борт, бадья прошла сквозь какое-то отверстие в толстом стальном полу, перекрывающем весь ствол. Оказывается, это был не пол, а потолок.

А очутились мы в зале. Отовсюду, словно змеи, сползались провода, шланги. Кругом гудели моторы. То и дело раздавались звонки. Приходько шагнул за мою спину, как бы от кого-то прячась, и в ту же секунду я услышал:

— Леонид Васильевич! Я не опущу вас ни на миллиметр ниже!

— Опять влип! — сокрушенно вздохнул Приходько. — Ну, не дают работать, никак не дают.

Откуда-то из-за рычагов вышел рабочий, бросил взгляд на мой фотоаппарат и сказал:

— Я понимаю, что людям интересно прочитать о нашей шахте. Только человеку нужен отдых. Вчера корреспондент из «Известий», сегодня вы. Ладно, пусть! Только быстро! Но при вас даю слово, что на три дня для инженера ствол закрыт. Пусть дома побывает.

Бадья прошла сквозь пол. Я спросил у Приходько: «Что это за штука, где мы были?»

— Штука называется полком. Она защищает шахтеров от обвалов и с нее оператор управляет всеми механизмами на дне шахты.

Внезапно бадья попала в яркий пук света. Мы были уже на дне. 6 рабочих встречали нас. Вода струилась отовсюду. Оказывается, это даже хорошо. Пыль от бурения вредна. А в воде она оседает.

Я выпрыгнул из бадьи и почувствовал необыкновенную легкость. Под взрыв смеха я понял, что мои резиновые штаны остались в бадье.

Приходько заметил: «Сказано было — затягивай лямки потуже!...»

(из письма)

«Ольга Михайловна! Здравствуйте. Пишет вам бывший ваш ученик Войтенко Игорь. Посылаю для школьного географического кабинета кусочек апатита с плато Расвумчорр. 1 кг этого минерала дает прибавку урожая пшеницы на 4 кг. На руднике Центральный будет добываться 12 миллионов тонн апатитовой руды в год. Недаром наш рудник назван Центральный. Это главный рудник страны!»

(из приказа по редакции, каким он мог бы быть)

«§ 1. Результаты командировки И. Войтенко одобрить.

§ 2. Наброски, заметки, записи, каковые представлены в редакцию автором, полагать репортажем с плато Расвумчорр.

§ 3. Напечатать означенный репортаж, сопроводив его рисунками художника Ю. Шабанова.

Примечание: ВЫПОЛНЕНО.»

РАССКАЗЫ О ТАРАСЕ ШЕВЧЕНКО

БУНТ

Бородка у дьячка клинышком, сам он невысок, но крепок, жилист. Фамилию носит Богорский. Дьячок — учитель церковно-приходской школы, и на всю округу славится умением пороть. Секут учеников еженедельно по субботам. Секут всех без разбора, прав ли, виноват ли. Богорский уверяет, что все идет на пользу. Тарас Шевченко при Богорском только мальчик на побегушках: то воду таскает, то кустарник рубит, то бежит с поручением в ближайший трактир. Но Тараса тоже порют. Порет дьячок с великим старанием, с редким умением. Выбирает лозу, слегка разминает ее в пальцах. «Читай молитву», — говорит он негромко и становится в позу. Расставляет дьячок ноги, заносит вверх лозу, поднимается на носки. Медленно опускается рука, упруго упираются в землю пятки, чуть сгибаются колени, переламывается туловище дьячка, он густо, смачно крикает и в последний момент резким движением берет руку на себя. Со свистом впивается лоза в тело.

Школяр громко читает молитву. Кричать, даже шевелиться он не должен, иначе запорют до полусмерти.

Умер как-то в селе крестьянин. Брат его, сапожник, обещал Тарасу подошвы для сапог, если мальчик всю ночь будет читать над покойником молитвы. День выдался трудным, Тарас порядком устал, но согласился. Велико было желание иметь хорошие сапоги.

Под утро Тарас уснул. Сапожник принес обещанные подошвы, но Богорский взял их себе. Мальчик просил, угрожал, плакал, но дьячок остался глух. Он посмеялся над Тарасом и наградил его несколькими ударами лозой.

Ночью Тарас пробрался в дом дьячка. Богорский был вдребезги пьян. Он мычал во сне, бил себя в грудь, борода, щеки и руки его были вымазаны бледно-желтой слюной. Тарас связал ему руки, забил в рот кляп, схватил лозу и встал в хорошо знакомую позу.

Дьячок брыкался, перекатывался с боку на бок, вертел головой, а на руки, бока, спину, ноги его сыпались и сыпались удары.

Тарас опомнился только, когда занемела рука.

Он убежал из деревни.

САПОГ

Зима. Обоз помещика Энгельгардта движется из Вильны в Петербург: Везут мебель и сундуки. Заунывно скрипят полозья. Дует поземка. Бьет в лицо сухой крупчатый снег. На редких остановках люди едва успевают согреться и опять в путь. Идет с тем обозом и Тарас Шевченко в худых сапогах. На пол-

пути один сапог совсем развалился. Мальчик обвязывает ногу тряпками, идет в одном сапоге. Потом садится на обочине и надевает сапог на другую ногу.

Путь до Петербурга велик. Много раз влезал один сапог то на правую, то на левую ногу.

ЛОТЕРЕЯ СВОБОДЫ

Этот портрет был разыгран в лотерее и принес свободу Тарасу Шевченко

Застав однажды Тараса за рисованием, Энгельгардт приказал выпороть мальчика на конюшне, однако, поразмыслив, решил, что неплохо будет обзавестись домашним живописцем. В случае чего мастерского человека можно подороже продать.

Так попал Тарас к петербургскому цеховому мастеру живописных и малярных дел Ширяеву.

Белыми ночами приходил юноша в Летний сад и рисовал статуи.

За этим занятием и застал его как-то художник Сошенко. Ему понравились рисунки

Тараса и он познакомил Шевченко с несколькими влиятельными людьми.

Слухи о молодом крепостном художнике дошли до самого Брюллова, Великого Карла, как его величали друзья, самого знаменитого художника того времени.

Было ясное зимнее утро. В большой светлой мастерской Брюллова находился гость. Художник писал его портрет. Сеанс приближался к концу, когда появился слуга и доложил о приходе двух посетителей. Брюллов заметно оживился.

— Приси, приси, — весело закричал он.

Впереди шел Тарас Шевченко, за ним его приятель украинский баснописец Гребенка. «Великий Карл» стремительно шагнул к вошедшим, сильно потрянул руку Шевченко, внимательно его осмотрел. Потом, озорно сверкнув глазами, сказал:

— Хорош, натурален. Будет толк — я видел твои рисунки.

Тарас смутился. Его похвалил сам Брюллов. Мог ли мечтать он о большем? Юноша в волнении теребил баранью шапку.

Нужно было решить самый сложный вопрос: как выволить Шевченко из крепостных.

Великий Карл отправился сам к Энгельгардту. Он вышел от него взбешенный. «Это самая крупная свинья в торжковых туфлях. Это вандал», — говорил художник.

Энгельгардт за выкуп Шевченко назначил фантастически высокую цену — 2500 рублей. При этом он изрек: «Деньги — и больше ничего! Филантропия тут ни при чем. Шевченко — человек ремесленный, при доме необходимый...»

Но желание друзей Шевченко освободить его от крепостного ярма было так велико, что Брюллов написал портрет поэта Жуковского, который разыграли в лотерее.

Лотерея прошла успешно.

22 апреля 1838 года Тарас Шевченко получил вольную.

Начиналась дорога в будущее.

Ю. Марголис

Автопортрет

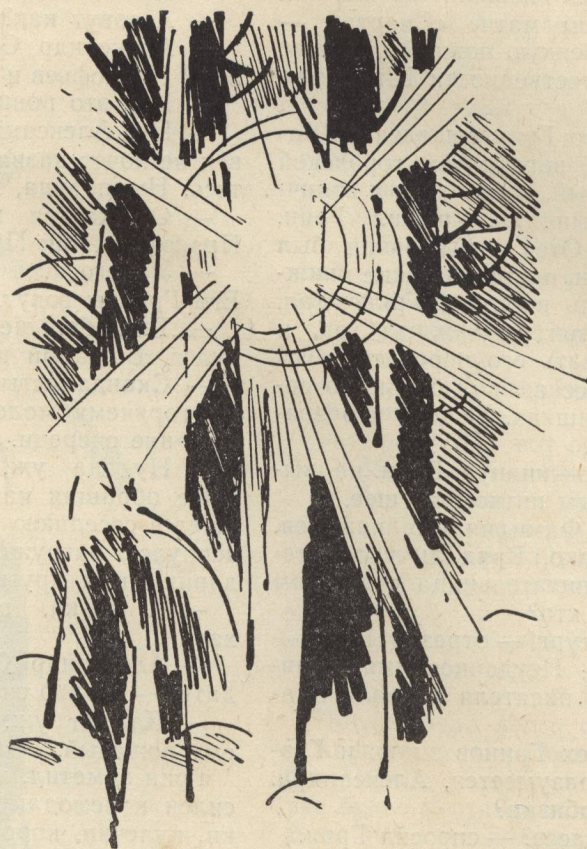
Казахские дети-нищие

Эвакуция

Рисунки Т. Г. Шевченко

ЗИМНИЙ ЛАГЕРЬ КАПИТАНА ГРИНА

Владислав Бахревский

Рисунки С. Спицына

Глава первая

Звери живут в зоопарке. В лесу зверей нет. В лесу только следы. Эти следы нигде не начинаются. Они приходят из белого зимнего леса, кружат у дачных заборов и уходят обратно под своды придавленных снегом елок.

Грин не умел читать следов. Роль знатока он разыгрывал, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, но обмануть себя было трудно. Почему это он стал Грином, семиклассником, и откуда у него взялся драматург-отец? Почему драматург?

— Огромный волк ищет новую жертву, — сказал Грин вслух.

— Волк?

Грин обернулся. У забора стоял малыш из лагерных.

— Какой там волк, — усмехнулся Грин, — дворняжка. Не видишь, что ли?

— Я вижу, — сказал обескураженный малыш.

— А я не вижу.
И Грин пошел к даче своего отряда.

В даче было три палаты. Одна большая и две маленькие. Грин занял место в большой, у стёны. Его соседом оказался Петя — рослый, ленивый маль-

чишка. Петя всю дорогу острил, но его неповоротливые шутки никого не смешили. Только Чиж заглядывал ему в лицо и спрашивал:

— Петя, ты сострил, да? Ты говори, когда остришь.

Старшим в палате назначили Сашку Шикова. По дороге Грин узнал, что Сашка восьмиклассник, что он играет в футбол за юношеское «Динамо» и лично знаком со всеми знаменитыми футболистами. Грину Шиков показался простоватым. Но, когда заговорили о том, кто какой язык изучает в школе, Сашка сказал, что в школе его никак не научат немецкому, а на дом к ним ходит учительница английского языка, и он уже сносно треп-

лется. Сказал он это без рисовки, так же, как говорил о прошлогоднем матче «Спартак» — «Нефтяник». Грин на всякую ложь был чуток, но заподозрить в неестественности Шикова не мог.

В дороге ближе всего Грин сошелся с Андриюшей Флитом. Белый воротничок, городской румянец, голос вежливый. «Этот хотя и отличник, но наверняка умница», — решил Грин.

Они разговорились. Отец у Андриюши был известным ученым, мать писала детские книжки. Одну из них, очень веселую, Грин читал.

Андриюша ездил в лагерь каждый год, и Грин стал расспрашивать его о ребятах. Тот знал почти всех, но рассказывал больше о родителях, чем о мальчишках. О том, кто знаменит, а кто не очень.

— А этого знаешь? — кивнул Грин на высокого парня с родимым пятном на шее.

— Этот новенький. Фамилия его, кажется, Тараскин или Тарасенко. Вряд ли что интересного. Его мать воспитательница в детском саду. А твои родители кто?

— Мой отец драматург! — отрезал Грин. — А зовут меня Грином. Неудачное имя, правда? Это меня в честь писателя называли. Знаешь такого?

— Ну как же, я всех Гринов знаю: и Грэхема, и Эльмара, и, разумеется, Александра. Которому из них ты обязан?

— А ты в каком классе? — спросил Грин.

— В восьмом. А ты?

— Я в седьмом.

Вот так все и получилось: и отец драматург, и имя в честь писателя. А попробуй скажи, что ты пятиклассник — сразу отправят в малышей отряд.

Пришел вожатый, попросил Сашку составить список дежурных.

— Жить будем без нянек, — сказал он. — Дежурные — это боги порядка и чистоты. А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Александром Сергеевичем.

Грин засмеялся. Вожатый неловко пощупал галстук, покраснел.

— Простите, это я так, — сказал Грин. — Имя у вас, как у Пушкина.

Вожатый пожал плечами.

— Все погубло. Быть мне в этом лагере Пушкиным.

— Нет, Александр Сергеевич, мы — культурные, — сказал Шиков. — Мы живем без кличек.

— Ну и отлично. С тебя, Шиков, и начнем. Как зовут?

— Александр.

Когда очередь дошла до Грина, тот буркнул:

— Прокофьев.

— А зовут как?

— Александр Сергеевич, — ну зачем вам имя? Прокофьев и все.

— Как это понимать прикажете?

— Ну, Александр Сергеевич, а если человек не хочет назвать имя. Да вы не обижайтесь. Ну, правда, Александр Сергеевич!

— Обижаться мне как будто не на что. Прокофьев, так Прокофьев.

— У него имя чудное! — сказал Флит. — Его Грином зовут.

— Тебе больше всех надо? — Грин замахнулся. Вожатый перехватил его руку.

— Скандалисты мне не нужны. Саша, этому горячему молодому человеку два дежурства вне очереди.

— Ну, да уж, — сказал Грин. — За что?

Не обращая на него внимания, вожатый ушел в соседнюю палату. Минут через пять он вернулся, нагруженный пачками печенья, мандаринами и другими сладостями.

— А ну-ка, выкладывайте родительские харчи.

— Александр Сергеевич, а можно не отдавать? — игриво спросил Петя.

— Да нет уж, Петя, — давай! — подыграл ему вожатый.

Грин заметил, как Флит с готовностью бросился к чемодану и стал выкладывать кульки, кулечки, коробочки.

— Вот, пожалуйста, — говорил он шепотом, передавая вожатому свои богатства.

«Противный парень», — подумал Грин и громко сказал:

— А я не сдам. Я лучше сам съем.

* * *

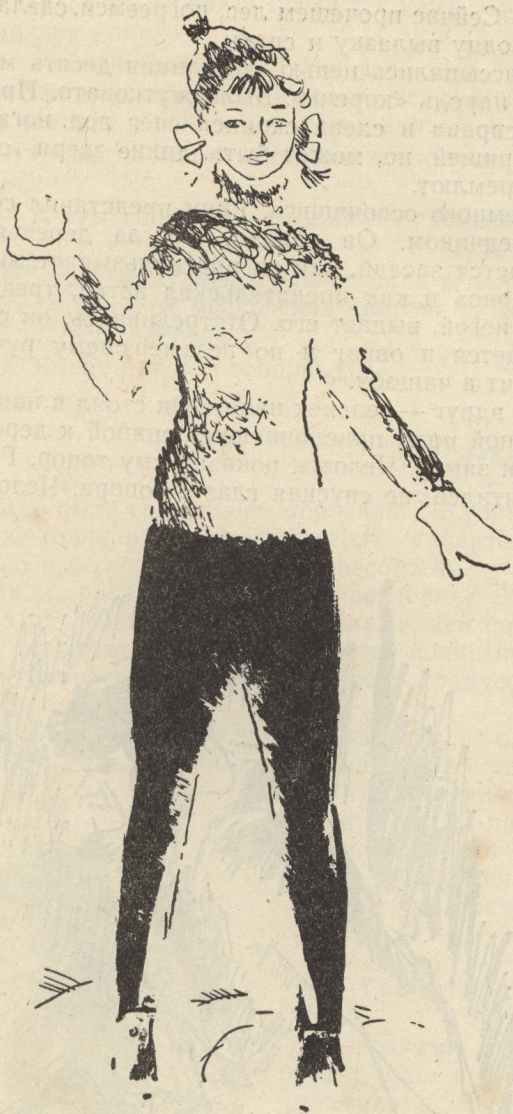
Столовая была маленькая. Обедать приходилось в две смены: сначала отряд девочек, потом — мальчиков.

Ребята собрались у столовой и готовили снежки. Лагерных девочек Грин видел мельком. Они ехали в другом автобусе. Но когда из столовой вышли две подруги, высокие, в брючках, в красных свитерах, Грин сразу догадался, что это Лида и Таня, те самые девочки, о которых шептались старшие ребята.

Мальчишки открыли огонь. Девочки спрятались за соснами и стали отвечать. Грин скатал пару снежков и пошел в атаку. Он остановился около Лиды. Она, улыбаясь, кинула снежок и промахнулась. Теперь Грин мог ее закидать, но она стояла не защищаясь.

— Таня, — обернулась она к подруге, — смотри, какой хорошенький мальчик.

Грин вспыхнул. «Хорошенький? Мальчик?»

Он зло замахнулся. Но Лида, прикрывшись ладонью, улыбалась ему красивыми розовыми губами. Грин вдруг увидел, что глаза у нее очень блестящие и серые. Он вяло бросил снежок ей в ноги, а потом, рассердившись на себя, сильно в голову. Лида отшатнулась. Снежок ударился о сосну, осыпал девочку белыми осколками.

— Прекрати, Грин. — Рядом стоял вожатый. — Тоже мне, герой. На беззащитную девочку напал.

— Ха, беззащитная, — сказал Грин и пошел в столовую.

Он слышал, как Лида спросила Александра Сергеевича:

— Грин? Это его прозвище?

— Нет, имя, — сказал Александр Сергеевич.

— Как здорово! — засмеялась Лида. — Правда, Таня? Хорошее имя.

Сердце у Грина радостно вздрогнуло. Он в два прыжка одолел лестницу и ворвался в столовую.

— Сегодня первое и второе ем с добавками!

* * *

После обеда легли спать.

Александр Сергеевич оказался человеком без нервов. Когда он заявил, что мертвый час будет мертвым часом, ребята подняли галдеж. Вожатый подождал, когда протесты иссякнут, и приказал:

— В постели!

Уже лежа, ребята стали клянчить, чтоб им разрешили читать, Александр Сергеевич попросил дежурных зашторить окна. Окна зашторили, но ребята не успокаивались и кто-то в кого-то бросил подушкой.

Александр Сергеевич невозмутимо расхаживал по палатам, не отвечая на вопросы, не замечая реплик, и все, наконец, устали и уснули.

Глава вторая

Проглотив полдник, ребята помчались на спортбазу выбирать лыжи. Грин никогда еще не ходил на лыжах в ботинках. Поэтому в отсеке тридцать четвертого размера он взял первые попавшиеся. Лыжи оказались коротковатыми, но легкими, с хорошо подогнанными жесткими креплениями. Когда ребята собрались на даче, вожатый объявил:

— Послезавтра новогодние соревнования на личнокомандное первенство зимнего лагеря по лыжам. Будут две команды мальчиков. Капитанами назначаю Шикова и Морозова.

— Ура! — закричал Петя. — Запишите, я к Морозову.

— Сколько человек в команде? — спросил Шиков.

— Пятнадцать.

Сашка быстро окинул комнату взглядом.

— Чиж и Тарасов, пойдете в мою команду?

— Пойду, — сказал Тарасов.

— А я нет, — возразил Чиж. — Я к Морозову.

Грин тронул Петю за плечо.

— А кто это — Морозов?

— Его нет пока. Он вечером приедет.

Кипела агитгорячка. Чиж взялся набирать вторую команду, и теперь они с Сашкой торопились уговорить больших, сильных ребят.

Грин подошел к Шикову.

— Саша, возьми меня.

— А ты хорошо бегаешь?

— Ничего. Я в деревне жил.

Шиков с сомнением посмотрел на тоненькую фигурку Грина.

— Нет, Саша, я правда умею ходить на лыжах, — заволновался Грин. — Даже попеременным шагом.

— Ну, если попеременным... — Шиков засмеялся. — Ладно, записываю, капитан Грин.

Вдруг заиграли сбор.

— Это еще куда? — удивился Сашка.

Оказалось, пришли лесники. Один из них в белом полушубке, с двухстволкой за плечами, сказал речь:

— Вот что, пионерия! Говоря по-нашему, лесниковскому, мы к вам за помощью! Сами знаете, с утра было тридцатое декабря. А это значит, что ночью лесонарушители будут активно истреблять зеленые насаждения, то есть елки. А ведь елка в полтора-два метра вышиной, говоря по-нашему, растет пятнадцать-двадцать лет. Ну и в общем, вы бы нам очень помогли, если бы часиков до двух ночи пропатрулировали свой участок леса. Даете согласие?

Еще бы! Не спать до двух часов ночи, бороться с настоящими лесонарушителями! Тут одна забота — попасть в патруль.

* * *

Грин тоже встречал Морозова. Но когда он увидел, как повисли на руках этого парня мальчишки, как в драку тащили его чемодан, как все ему что-то рассказывали, а он, никого толком не слушая, с достоинством принимал ласку малышей и поклоны взрослых, — когда Грин увидел все это, ему не захотелось войти в толпу встречающих. Он одиноко стоял у забора и презрительно улыбался. Ему показалось, что Морозов заметил его. Их глаза на мгновение встретились, и Грин уловил, что на него посмотрели с удивлением и неприязнью.

* * *

В одиннадцать часов вечера две группы пионеров отправились в лес. Одной командовал начальник лагеря, другой — Александр Сергеевич.

Перебегая от дерева к дереву, мальчишки раза три прошли вдоль главной просеки.

Потом все стали беситься: грозили невидимым браконьерам, стонали по-свиному, давились петушиным криком.

В двенадцать часов Александр Сергеевич скомандовал:

— Сейчас прочешем лес, погреемся, сделаем еще одну вылазку и спать.

Рассыпались цепью: дистанция десять метров, пароль «корень». Было жутковато. Правда, справа и слева скрипел снег под ногами товарищей, но, может быть, дикие звери тоже не дремлют.

Немного освоившись, Грин представил себя разведчиком. Он увидел, как за деревьями прячется засада, как он проскальзывает мимо заслонов и как предательская ветка, треснув под ногой, выдает его. Отстреливаясь, он скатывается в овраг и по незамерзшему ручью бежит в чащобу.

И вдруг — человек наяву. Он стоял в напряженной позе, прислонившись спиной к дереву. Грин замер. Человек показал ему топор. Грин попятился, не спуская глаз с топора. Человек

отвалился от дерева и шагнул к нему. Справа раздавался крик:

— Ребята, браконьер!

К Грину подбежал Морозов. Через мгновение человек с топором попал в кольцо.

— Отдайте топор! — сказал Александр Сергеевич.

— А ты подойди поближе! — усмехнулся тот.

Ребята сдвинулись. Грин до боли в пальцах сжимал ключ от московской квартиры. Вожатый шагнул вперед.

— Я еще раз вам говорю.

Лесонарушитель медленно замахнулся. Вожатый сделал еще шаг. Лесонарушитель выругался и бросил топор в снег.

— Веревку, — сказал Александр Сергеевич. Человек бросил веревку.

— А теперь кругом! Марш из леса!

Лесонарушитель неловко повернулся и озираясь пошел прочь.

— Один-ноль в нашу пользу, — засмеялся Морозов.

— А смелый наш вожатый, — шепнул Грину Петя.

— Смелый, — согласился Грин.

Ему все еще было не по себе.

Глава третья

Утро было солнечное. Морозило. По тонкому слою пороши лыжи скользили удивительно легко и были совершенно невесомыми.

Лида, разруганная и счастливая, скользила на лыжах, как на коньках. К ней подкатил Морозов. Резко затормозив, подпрыгнул, перевернулся на сто восемьдесят градусов и упал.

— Хвальбишка, — засмеялась Лида и подала ему руку. Он принял помощь, но вместо того, чтобы подняться, дернул Лиду на себя и она тоже упала, и теперь они оба сидели в снегу и смеялись.

— Глупо, — сказал Грин и отвернулся.

Девочкам дали старт. Они с визгом помчались вперед, стараясь как можно скорее занять лыжню. Лида опередила всех. Она съехала с горы и уже через мгновение, быстро и сильно работая руками, бежала к лесу. Ее алая шапочка дважды мелькнула среди елок, и как только она скрылась, мальчишки забыли о девочках. Всем было ясно, что первой придет Лида.

Мальчики уходили со старта парами.

Грину выпало бежать с Морозовым. Морозов был отличным лыжником. Он уступал только Шикову.

Наутствии Грина, Сашка шепнул:

— Ты за Морозовым не гонись. Пусть уходит. Главное — пройти дистанцию ровно.

Грин кивнул. Но когда прозвучала команда: «Марш!», он рванулся вперед и занял лыжню. Морозов хотел обойти его целиной, но снег был глубокий, а Грин мчался, как на пожар, высоко задирая носы лыж. Морозову пришлось пристроиться сзади. Грин пошел спокойнее, но дыхание было сорвано, и он никак не мог прийти в себя.

— Лыжню! — попросил Морозов.

Грин не уступил и снова помчался рысью. Так он добежал до горы. Оттолкнувшись, он скользнул вниз, опустил онемелые руки. Ему казалось, что мчится он очень быстро, но вдруг мимо него проскочил Морозов. Ловко вывернув на лыжню, не оглядая колеи, толкнулся несколько раз палками и стал взбираться на гору. Грин знал, что за их борьбой следят и, чуть не плача от бессилия, бросился догонять Морозова. Все-таки настиг его и стал яростно наступать на лыжи. Морозов, удивленный, обернулся.

— Ты что? — спросил он. — Лыжню тебе?

— Лыжню, — вздохнул Грин.

Морозов уступил.

— Посмотрите, что делает этот парень! — ахал на старте Шиков. — Ведь на одних нервах идет.

— Ему бы чуть-чуть силенок, и плакало бы твое чемпионство, — сказал вожатый.

— Упрямый парень, — согласился тот.

А Грину нечем было дышать. Он хватал воздух ртом, но втянуть его в легкие никак не мог. Он чувствовал, что еще немного такой гонки, и он сядет в снег.

Они бежали между елочек.
«Пока видят», — подумал Грин о болельщиках.

— Лыжню! — потребовал Морозов.

— Подожди! Еще немножечко, — прохрипел Грин.

Запрокинув голову, как бегут перед финишем, он сделал несколько шагов и, пошатнувшись, сошел с лыжни.

Попеременно выбрасывая палки, скользя то на одной, то на другой ноге, ушел вперед Морозов. Грин посмотрел назад. За спиной стоял сплошной лес.

— Не видели.

Грин привалился к сосне и все пытался вздохнуть. Наконец, воздух прорвался к разгоряченному легким, и Грин закашлялся.

Дальше бежать не хотелось, но он вспомнил про команду, про зачетное очко и заковылял вперед. Его обошли человек десять. Провал был позорным, и Грин, выждав, пока скроется за елями очередной лыжник, подошел к дереву и сильно ткнул носом правой лыжи о корневище. Лыжа не сломалась. Грин ударил второй раз и опять не сломалась.

— Эй, Грин, что с тобой? — услышал он вдруг девчачий голос.

Грин вздрогнул и быстро отскочил от дерева.

Навстречу ему шла Лида.

— Снег налипает, — сказал он.

Ему хотелось уйти от нее, но Лида побежала впереди и обогнать ее он никак не мог.

— Давай, давай! — кричала она. — Совсем немного осталось.

Грин вдруг почувствовал, что силы возвращаются к нему.

— Лыжню! — крикнул он Лиде.

Она уступила, и Грин побежал впереди, стараясь шагать пошире, а палки выкидывать подалше.

На финише Грина встретили с насмешливой добротой.

— Говорил — не гонись за большим дураком! — сказал ему Шиков.

— Крепкий парень, — одобрительно улыбнулся Морозов, — я ему кричу — лыжню, а он мне — подожди, говорит, немножко. Упрямый.

— Он, наверное, по системе йогов занимается, — вылез Чиж.

— Упрямый парень, — повторил Морозов.

— Да какой я упрямый, — рассердился Грин. — На зрителя работаю, а как зашел в лес, так с катушек долой.

Грин занял третье место от хвоста и все-таки к нему относились теперь с уважением. Это Грин заметил сразу.

* * *

Новогоднего праздника не получилось. Елка стояла в пионерской комнате в углу, очень красивая, убранная роскошными игрушками, но ребята ее не замечали.

После торжественного ужина малыши занялись детским бильярдом, а все остальные играли в моргалки. Потом ребята вышли погулять перед сном, а Шиков, Морозов, Андрияша Флит и Лида с Таней подсели к елке и завели литературный разговор. Грин подошел к их группе.

— О чем вы спорите?

Лида подвинулась:

— Садись, Грин. Мы уже не спорим, а читаем стихи.

— Лида, твоя очередь, — сказал Морозов.

Лида возразила.

— Пусть вон новенький читает. Грин, читай.

— Я потом, — сказал Грин. — Я сначала слушаю.

— Давай, давай, давай, Лида! — потребовал Морозов.

Лида задумалась.

— Ну что ж, — сказала она. — Я опять — Брюсова.

«Белая роза дышала на тонком стебле,
Девушка вензель чертила на зимнем стекле,
Голуби реяли смутно сквозь призрачный
снег...»

Грин слушал эти странные стихи и ему казалось, что все предметы вокруг него стремительно отдаляются, будто он посмотрел в бинокль с обратной стороны.

Грин не слышал такой фамилии — Брюсов, и таких стихов тоже никогда не слышал. Он не подозревал, что стихи можно учить для себя, когда тебе никто не задает урока.

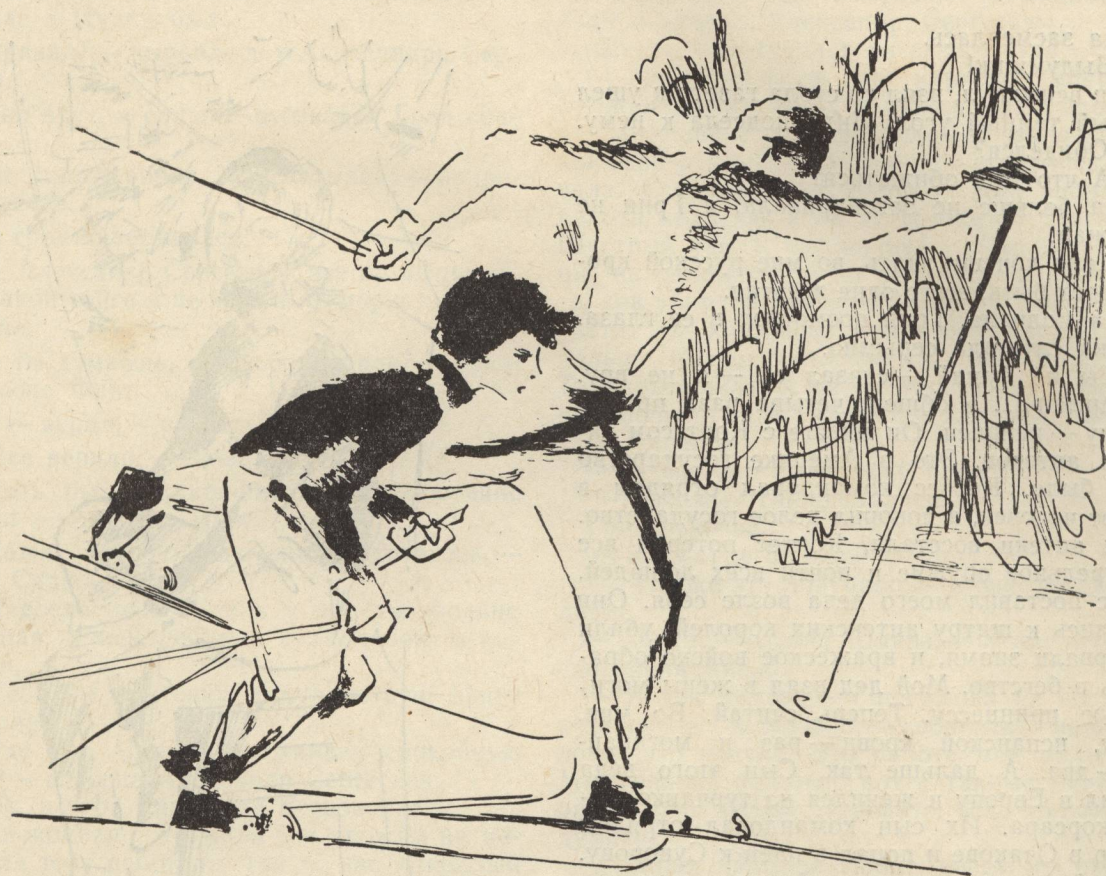
Потом стихи читал Андрияша. Он сказал, что не назовет поэта: пусть ребята угадают его. Стихи начинались так:

«За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый месяц
Гуляет в голубой траве.»

Грин увидел синюю спокойную ночь. Ему подумалось, что месяц действительно похож на ягненка и что трава бывает голубой. Все, конечно, отгадали поэта. Это был Есенин, и Грин тоже кивнул в знак согласия.

Грину тоже захотелось знать стихи. Он дал себе слово, что как только вернется домой, пойдет в библиотеку и будет учить всех поэтов подряд.

— Ты что уснул? — спросил Грина Морозов. — Твоя очередь. Читай.

Грин вздрогнул и тихо сказал:

— Я не знаю таких стихов.

— Читай, что знаешь.

— Я стихи не учу.

Лида пожала плечами. Ей было, конечно, наплевать на Грина и на все его переживания. Грин осторожно отодвинул стул и вышел из комнаты.

...Поздно ночью, когда все спали, Грин вышел на улицу. Была первая ночь нового года. Грин долго смотрел на далекие зеленые

звезды. Он так и не понял, как получилось это, но вдруг он сочинил стихи. Они были короткие, всего в четыре строки:

«Блестит, в огнях переливаясь,
Большая Севера звезда
И месяц, мило улыбаясь,
Глядит на землю свет даря.»

Засыпая, Грин вспомнил, что месяца не было.

Глава четвертая

В библиотеке дежурила Лида.

— Мне «Путешествие донна Сааведры в страну Настандию», — попросил Грин.

— У нас такой нет, — Лида посмотрела на Грина недоверчиво.

— Такая книжка — и нет!

— А что, это интересно?

— Очень. Правда, она стихами написана.

— А кто автор?

— Испанец. Фамилия у него трудная. Дон Катас де Кахарас. — Лида опять было не поверила, но Грин шепнул ей на ухо:

— Это книга про моего прапрапрадеда.

Лида засмеялась.

— Выдумщик!

Грин вспыхнул, взял со стола газету и ушел в самый темный угол. Лида под села к нему.

— Обиделся?

— А что мне обижаться?

Лида больше не заговаривала, и Грин не выдержал.

— Если хочешь знать, во мне русской крови, может быть, всего одна десятая.

Лида молчала. Грин посмотрел в ее глаза. Девочка слушала серьезно.

— Ты не думай, — сказал он, — я не вру. Мой пра-пра... в общем, четыре раза прадед по отцу — испанец. Он вместе с Кортесом завоевал ацтеков. Это в Америке государство такое было. Кортес командовал отрядом в пятьсот человек, а покорил целое государство. Потом ацтеки восстали, Кортес потерял все огнестрельное оружие и почти всех лошадей. Кортес поставил моего деда возле себя. Они пробивались к шатру ацтекских королей, убили их, сорвали знамя, и вражеское войско обратилось в бегство. Мой дед взял в жены могижанскую принцессу. Теперь считай. Во мне, значит, испанской крови — раз и могижанской — два. А дальше так. Сын этого деда приехал в Европу и женился на турчанке, дочери корсара. Их сын командовал отрядом янычар в Очакове и попал в плен к Суворову. Этот мой дед стал русским офицером и породнился с казачьей семьей Платовых.

Грин разгорячился, глаза у него заблестели.

— Ты считай, считай, — говорил он. — Значит, испанская кровь, могижанская, турецкая, русская — четыре. А тот турецкий корсар тоже был не чистокровный турок. Его мать — дочь потомков Чингис-хана, а сам он женился на прекрасной француженке, графине де-Лафер. Она возвращалась на корабле с Мадагаскара, и корсар захватил этот корабль. Но он даже грабить его не стал, взял графиню, а судно отпустил. Ты считаешь? Значит, испанская, могижанская, татаро-монгольская, турецкая, французская — пять и русская шесть.

— Да, у тебя очень знаменитые предки, — сказала Лида серьезно.

Грин засмеялся.

— Я тоже буду знаменитым.

* * *

Долго не спали. Грин рассказывал о своих удивительных приключениях. Оказалось, что он родился в тайге, что первые три класса

кончил на Дальнем Востоке. Успел побывать на острове Пасхи, и даже несколько дней жил в Индии. Случилось это так. Вместе с отцом Грин плыл на пароходе из Петропавловска-на-Камчатке во Владивосток. Пароход был старый. Налетел тайфун, судно потеряло управление, и его целых две недели носило по волнам Тихого океана.

Когда шторм ослабел, оказалось, что пароход дрейфует недалеко от острова Пасхи. Машина была повреждена, и капитан дал приказ — причаливать.

Даже Сашка Шиков, который сначала посмеивался над выдумками Гринчика, развеил уши, когда тот рассказывал всякие подробности о жизни мальчишек острова Пасхи.

В палату пришел вожатый.

— Мы Грина слушаем, — сказал Шиков, — Он у нас в Индии был.

— Правда? — вырвалось у Александра Сергеевича.

— Они врут, я сплю, — отозвался Грин сонно.

— Не притворяйся, рассказывай! — попросил Тарасов.

Грин громко засмеялся.

— Я, Александр Сергеевич, все им выдумал. Ни в какой тайге я не жил и по морю никогда не ходил.

— А ты думаешь, мы тебе верили? — ехидно спросил Флит.

— Я — верил, — сказал Тарасов.

— Все верили, — сказал Петя.

— Хоть бы в какое-нибудь приключение попасть! — помечтал Чиж.

— Лежи, спи! Приключения захотелось, — сказал Сашка.

— Надоело все. Жизнь у нас уж больно спокойная. Учись, собирай металлолом, в кино ходи...

— Тебе бы винтовку и пулеметную ленту через плечо!

— Где это, Чижик, ты увидел спокойную жизнь? — спросил Александр Сергеевич.

— Ну, а что? Разве она беспокойная?

— Спокойная... Убирали мы урожай на целине. На току работали. Ток у нас открытый был. Дожди пошли. Зерно стало гореть, прорастать...

Грин заволновался.

— Как же так? Добро у нас всенародное...

— Выходит, что поменьше успокаиваться надо, — сказал Александр Сергеевич.

Шиков откликнулся из своего угла.

— Мы в прошлом году картошку убирали. Урожай плохой был. А выкапывали картошку комбайном. Наверху лежит одна-две, а копнешь руками — клубни. Мы старались сначала. С непривычки спины у всех заболели, работа медленно идет. И приезжает бригада. Шустрый такой. Спрашивает: «Что вы, хлопцы, на одном месте по часу сидите? Смотрите, как убирать надо». И пошел по полю. Подхватит ту картошку, что сверху лежит, — и дальше. Мы ему говорим: «Вы землю копните. Там картошка». А он смеется: «Мне, мальчики, площадь надо убрать. Не картошку, а площадь. Ясно?»

— А вы что? — спросил Грин.

— Что мы? Обрадовались...

Грин вскочил.

— По морде бы вас!

— Что же это получается? У нас же социализм!

— Лежи, — сказал Шиков. — У нас с тобой спокойная жизнь.

— Я так думаю, — Грин стоял на постели, кутаясь в простыню, — собирать металлолом — это чепуха. Это работа для малышей. Мы должны бороться вот с такими бригадами! Если только подумать, если только подумать...

— Наши папы не любят, когда мы суем в их дела нос, — сказал Шиков.

— Какие мы дети? Гайдар воевал в эти годы, Володя Дубинин воевал... А мы — дети! Ребята притихли, думали...

Глава пятая

Вдруг наступила оттепель. Снег сползал с елок, и все утро в лесу шла пальба.

— Лыжная прогулка срывается, — сказал начальник лагеря. — Чем займем детей, Александр Сергеевич?

Тот пожал плечами.

— Мне кажется, ребятам и в городе надоели мероприятия. Давайте хоть раз в жизни оставим их без нашей опеки.

— А может, викторину все-таки устроить? Или вечер аттракционов?

Александр Сергеевич заволновался:

— Ну, а почему нельзя дать ребятам свободный день? Ну, честное слово, почему?

В дверь постучали.

— Простите, — сказал Морозов. — Александр Сергеевич, можно вас на минутку?

— Пожалуйста.

Разговор за дверью был шумный и короткий.

— Ну, вот, — сказал вожатый, заходя. — Я же говорил.

— Что?

— Ребята без нас организовались. Сегодня привезли на кухню дрова. Решено перепилить и переколоть.

* * *

Морозов не знал, что такое борьба за авторитет. Его признавали вожакom всюду и сразу. Он никогда не дрался, но к задирам подходил смело, спокойно, и те почему-то пасовали. Учился Морозов в девятом классе, и в лагере был самым старшим. Он отлично понимал двойственность своего лагерного положения.

С одной стороны, как взрослый, он должен был пресекать особо опасные затеи приятелей, с другой стороны он сам принимал участие в разработке операций. Под его рукой они никогда не переходили той грани, когда взрослые вспоминают о своем долге и берутся за воспитание.

Пилка дров вдохновила ребят не надолго. Морозов понял, что пора вмешаться, и организовал две команды: Шиков — Морозов, соревнование до упаду.

Грин умел работать без отдыха. Он был в паре с Морозовым. Но пила им попалась длинная, она пружинила, вырывалась из рук и, рассердившись, Морозов прикрикнул:

— Взялся пилить — пили, не хочешь — иди гуляй!

Грин не собирался сердиться, но Морозова услышала Лида и засмеялась.

— Эй, Грин! — крикнула она. — А я думала, что ты мастер на все руки. Давай замену тебя.

— Отойди.

— Правда, Грин, отдохни, — сказал Морозов.

Грин вцепился в ручку.

— Я хочу сам.

— Я надеюсь, ты не против нашей команды?

— Против.

Морозов отошел в сторону.

— Посмотрим, что один наработаешь.

Грин полнее взялся за ручку, потянул пилу на себя. Она изогнулась, взвизгнула и застряла.

Лида засмеялась.

— Ну ладно, упрямец, давай вместе горе мыкать, — сказал Морозов, снова берясь за ручку.

Грин посмотрел на него исподлобья и ушел со двора. В дачке, кроме Флита, никого не было. Грин долго сидел у шахматного столика и смотрел в окно.

Вдруг он спросил Флита:

— Ты стихи умеешь сочинять?

— Умею.

Грин помялся и снова спросил:

— А кто тебе из лагерных девочек нравится?

— Лида.

— И мне! — обрадовался Грин. — Хочешь стихи прочитаю?

— Читай.

— Только ты, смотри, не болтай...

— Могила.

Второе стихотворение было вдвое длиннее первого:

«За что меня любить —
Мой нос совсем противен,
Но я хочу с тобою говорить
О звездах голубых, о море самом синем.
Ведь у меня в душе горит любовь
И очень, очень я люблю тебя.
Мне нравится твоя густая бровь.
Я Лиду не забуду никогда.»

— Реалистично, — сказал Флит. — Прочти еще раз, только помедленнее.

Грин обрадовался, что стихи понравились, и стал читать с вдохновением. Но Флит то и дело перебивал его и сам повторял строчки стихов.

— Хорошо! — похвалил он опять и пошел на улицу.

От нечего делать Грин повалился на койке, выпил стакан некипяченой воды, потом решил пойти доказать Морозову, что может работать не хуже его.

У ворот Грин увидел Флита. Захлебываясь от смеха, Флит читал Лиде и Тане его стихи.

Грин повернулся и снова пошел к даче. Первой его мыслью было бежать. Подальше, подальше от этого лагеря, от этих воспитанных Флитов. Он открыл чемодан. И вдруг ему стало так обидно, что он бросился на кровать и, кусая угол подушки, расплакался. Он слышал, как кто-то вошел в комнату и наклонился над ним.

— Ну, хватит, Грин. Прости меня. Я, честное слово, не хотел тебя обидеть.

По голосу Грин узнал Морозова. Он не ответил, но плакать перестал. Морозов постоял немного и осторожно вышел, прикрыв дверь.

Грин быстро разделся и лег в постель. Обедать он не пошел.

* * *

Наступил тихий час. К Грину не приставали. Он лежал, отвернувшись к стене, и притворился спящим. Пришел Флит.

— Ты что, поэт, голодовку объявил?

Грина так и подбросило. Он налетел на обидчика и хлестал его по щекам, до крови закусив губу. Флит, по-девичьи выставив руки, пятился к выходу. Грин сделал передышку, и это его погубило.

Флит опомнился и оттолкнул его к стене. Теперь они стали друг против друга и выжидали.

— Ты что это, Грин, налетел на Андришу? — спросил Шиков.

— Он знает.

Грин повернулся к Сашке, и в этот миг Флит ударил его между бровей. Голова у Грина запрокинулась, и он упал навзничь.

— Ты что? — вскрикнул Флит. — Ребята, я нечаянно!

Он наклонился над Грином. Тот открыл глаза, увидел белое лицо Флита.

— Ты живой? — обрадовался тот. Грин поморщился и оттолкнул Флита ногой.

Так у Грина появился враг.

Глава шестая

Александр Сергеевич устал. Грин житья не давал Флиту. Андрюша был сильнее и во всех стычках Грину попадало. Но вчера Флит собрал чемаданчик и отправился на станцию. Мальчишки перехватили его, отругали, а Грину пригрозили.

— Я — йог, — сказал Грин, — боли не боюсь.

Александр Сергеевич сидел в своей комнате и не мог ничего придумать.

Сегодня ночью вожатый услышал на террасе странное поскрипывание. Он вышел в коридор и чуть не вскрикнул от удивления. Ухватившись за верхний косяк двери, Грин, потемнев от натуги, подтягивался. Он так и не достал подбородком руки и, обессилев, спрыгнул на пол.

— Александр Сергеевич? — Грин растерялся. — Это я, Александр Сергеевич. Я подтягиваюсь.

— Время самое подходящее, — согласился вожатый.

— Александр Сергеевич? — взмолился Грин. — Но что же делать? Я очень слабый, я слабее всех. Я и злой потому, что слабый.

— Ну какой же ты слабый? По-моему, наоборот...

— Да нет же, нет! — Грин поморщился, как от боли. — Я — слабый. Думаете, я семиклассник?

— Этого я не думаю.

— Вы знали? — Грин поник. — И то, что я не Грин, — тоже знали? И то, что...

— Я все знаю, Грин, — сказал вожатый. — Но я уважаю тебя не меньше. А сейчас иди спать.

— А я думал, вы не такой, — сказал Грин, улыбаясь. — Но Флиту я не прошу.

И вот снова они подрались.

Александр Сергеевич вышел в коридор, позвал Морозова.

— Мне надоела эта война, — сказал он ему. — Сам я вникнуть во все тонкости мальчишеской политики не успею. Задача такова: помирить, но без кровопролития.

— Ясно, Александр Сергеевич. — козырнул Морозов. — Можно выполнять?

— Выполняйте.

Пришел начальник лагеря.

— Спят?

— Спят.

— Грин бунтует?

— Бунтует.

— Я на твоём месте наказал бы голубчиков. После полдника к Чураеву идем. Провинившихся оставь в лагере.

Как только начальник ушел, Александр Сергеевич отправился в обход по палатам. В большой его, конечно, ожидало зрелище. На полу, под перекладинами раскладушки, лежал Грин. На раскладушке, подобрав ноги, сидели Петя и Чиж. Лицо Грина побагровело, жилы на лбу и шее вздулись, в глазах стояли слезы. И вдруг Грин запел. Это было так неожиданно, что Александр Сергеевич даже не закричал на ребят. Они увидели его и разбежались.

— Что это значит? — спросил вожатый у Шикова.

— Это я сам, Александр Сергеевич, — вскочил из-под раскладушки Грин. — Я готовлюсь в йоги. Я попросил их.

— Вы знаете, что мы сегодня идем в гости к детскому писателю Чураеву?

— Знаем, — ответил Петя.

— Вот и отлично. Пойдут все, кроме Прокофьева, Флита, Шикова и Пети. Названные лица останутся в лагере чистить картофель.

— А Шикова за что? — спросил Грин.

— Дурачок! — откликнулся Сашка. — Я же за вас отвечаю.

Грин вдруг улыбнулся.

— А я все-таки выдержал, Александр Сергеевич.

* * *

Картошка была начищена. Шиков с Флитом сели играть в шахматы.

Петя предложил Грину покататься на лыжах с горки. Грин согласился. Горки были невысокие, но Петя показал ему одну, где была опасная трасса.

— Здесь даже Шиков боится ездить. Тут знаешь, какой трамплин.

— Шиков боится? — переспросил Грин. — Зато я не боюсь.

Петя засмеялся.

— Это ты издала смелый.

— Я и вблизи не струшу.

Сверху гора действительно показалась крутой и высокой. У Грина засосало под ложечкой, но он заставил себя спокойно осмотреть

место. Чуть намеченная лыжня добегала до трамплина и обрывалась. Внизу, справа, росли елочки, слева было несколько узких лощин, впереди дымилась на морозе желтая незамерзшая речушка.

— Ну, смотри, — сказал Грин беззаботным голосом.

У Пети задрожали брови.

— Не надо, Грин. Ты знаешь какой побледнелый.

— Чепуха! — засмеялся Грин.

Он вдруг отбросил палки и шагнул вниз. Скорость подхватила и понесла его на своих колючих крыльях. Грин обрадовался, но скорость вдруг прижала его к земле. Все случилось очень быстро. Он лежал в снегу. Снег был холодный и жесткий. Грин почувствовал, что цел, вскочил на ноги и лесенкой побежал в гору.

— Ну, хватит с тебя? — спросил Петя.

— Почему хватит?

Грин отряхнулся и снова ринулся вниз. Теперь он обманул коварную скорость. Он вовремя присел и выскочил на трамплин так стремительно, что Пете показалось, будто Грин сейчас наедет на белесое ватное небо. На этот раз Грин упал неловко, лицом, ободрав щеку и подбородок.

— Может, домой пойдем? — спросил Петя.

Грин сдвинул брови.

— За кого ты меня принимаешь? Я ведь упал. Понимаешь — упал.

В третий раз Грина бросило так, что он встал на голову. Его ноги беспомощно дернулись, и обе лыжи сорвались, укатились в ложбину. Петя чувствовал, что Грин ударился сильно, но не сдержался и захохотал. Грин плакал. Он собрал лыжи и кое-как забрался на гору. Усевшись в снег, он все еще всхлипывал, размазывая по щекам слезы.

— Ты что-нибудь сломал? — испугался Петя.

Грин махнул рукой.

— Не выходит. Видишь, не выходит.

— Но ведь у Сашки тоже...

— А что мне твой Сашка! — закричал Грин. — У меня не выходит.

Он надел лыжи.

— Ты опять? — спросил Петя.

Грин кивнул. Больше Петя с ним не заговаривал. Грин, белый, как Дед Мороз, забирался на гору, надевая лыжи, стремительно съезжал вниз и падал. Наконец Петя рассвирепел.

— Ты уже одиннадцатый раз грохнулся. Ты человек или кто?

Грин испуганно попятился.

— Ты не сердись, — сказал он ему. — Я в последний раз. Ну, честное слово.

Покорить трамплин Грину не удалось.

— Ничего, — погрозил он ему кулаком. — Мы еще повоюем.

И Петя понял, что Грин будет приходить сюда до тех пор, пока или победит, или свернет себе шею.

* * *

После отбоя в большую палату прокрался Морозов.

— С сегодняшнего дня, — сказал он, — война «Грин тире Флит» объявляется вне закона. Согласны?

— Нет, — сказал Грин.

— В таком случае, разрешается последняя дуэль. Противникам дается две минуты на подготовку к холодной войне.

— Это как? — спросил Флит.

— Терпение, мой друг! Вам будет предложено ряд вопросов, за правильный ответ — очко. За отказ отвечать — ноль, за неправильный ответ — штрафное очко. Потерпевший поражение публично, то есть при всех, объявляет себя «Главным неучем зимнего лагеря».

— Согласен, — быстро ответил Флит.

«Торопится, как из пулемета, — подумал Грин. — Знает, что во всяких там литературных делах я не смыслю». И ему захотелось победить.

— Я тоже согласен, — сказал он. — С поправкой.

— Внимание! — объявил Морозов. — Представитель Гринландии вносит поправку в проект. Прошу на трибуну.

Грину понравилась игра.

— Предлагаю, — сказал он торжественно, — титул «Главный неуч зимнего лагеря» изменить на следующий: «Я дурак и главный неуч зимнего лагеря».

— Согласен, — сказал Флит. — Ответы письменно?

— Нет, ответы вы будете давать соседям. Ты — Тарасову, Грин — мне. Итак, вопрос первый. Когда началась вторая мировая война?

Грин тут же позвал Морозова и зашептал ему на ухо. Андрюша дал ответ Тарасову.

— Война началась 22 июня 1941 года.

— Все ясно, — усмехнулся Морозов. — Оба получили по штрафному очку. Да будет вам известно, субчики, вторая мировая война началась первого сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу. Вопрос второй...

Морозов на мгновение задумался.

— Какой диаметр нашей Галактики?

— Сто световых лет, — ответил Флит.

— Сто тысяч световых лет, — ответил Грин.

— Грин получил очко, — объявил Моро-

зов. — У Флита второе штрафное. Кто автор музыки «Пер Гюнт»?

Грин промолчал. Флит заработал очко.

— Что такое киви?

На этот раз промолчал Андрияша. Грин получил очко. Он знал, что киви — австралийская бескрылая птица.

Грин нервничал. Теперь он не пропускал ни одного вопроса и почти всякий раз ошибался.

— Что такое фейхоа? — спросил Морозов.

Грин понял, что погиб. Фейхоа — это, конечно, нечто китайское. Оно могло быть и обычаем, и оружием, и цветком. Флит что-то нашептывал Тарасову. Фейхоа? А может быть это птица? Синяя, с оранжевым гребнем и красной грудью. Брюшко у нее отликает зеленым, а глаза желтые, с черными стрельчатými ободками. Фейхоа? Конечно, это птица. Она прилетает вечерами, когда все укладываются спать и по земле бродят только очень счастливые и несчастные люди. Птица. Фейхоа не поет, а выговаривает плавный мягкий звук. Сначала очень чистое, высокое, фей; а

потом приглушенное, как вздох, хо-а. Вздох подхватывает эхо, и люди слышат — это доброе, как пожелание спокойной ночи: хо-а.

— Морозов, слушай! — Грин наклонился к судье и рассказал о своей птице.

— Грин правильно ответил? — спросил Флит.

— Да, правильно. Фейхоа — это южное растение, с очень вкусными плодами.

— Я тоже ответил правильно, — сказал Флит. — Мы каждое лето ездим в Сухуми и во дворе у нашего хозяина растет три дерева.

— Я на юге не был, — сказал Грин. — И не надо подачек. Я выдумал какую-то чушь.

Он встал с постели.

— Слушай, Флит, я не буду тебя трогать. А теперь слушайте вы.

— Не надо, Грин, — сказал Флит. — Ведь это была игра.

— Конечно, Грин, брось. — Морозов взял его за плечи, — расскажи-ка лучше про свою птицу.

— Я проиграл. И нечего миндальничать. Если вам неприятно, заткните уши. Я дурак и главный неуч зимнего лагеря.

Глава седьмая

Александр Сергеевич проснулся часа за два до подъема. За окном дремала ночь. Неожиданно из самого сгустка тьмы выдвинулся неясный белый столб света. Пораженный, Александр Сергеевич осторожно вылез из-под одеяла и, неслышно ступая босыми ногами по холодному полу, подошел к окну. Свет не исчезал. И вдруг Александр Сергеевич догадался — светом была высокая прямая береза, росшая у самой изгороди.

Он оделся и вышел на улицу. Опять выпал снег. Его отсветы лежали на гладких стволах осин. Светало. Хитро посмотрев на близорукое заспанное окно дачи, вожатый разбежался и покатился на ногах по запыленной скользкой дорожке.

— Вот как надо, суслики!

Он шагнул было обратно к воротам, но вдруг увидел на дороге Грина. Тот шел, запрокинув голову и разведя руки в стороны. Александр Сергеевич вспомнил, что в детстве тоже любил такой способ передвижения. Шагая вот так,

почти не чувствуешь ног, словно ты не идешь, а тебя несет странная сила. Александр Сергеевич хотел незаметно войти в ворота, но Грин увидел его и остановился:

— Александр Сергеевич, — сказал он, — а это опять я.

— Не знаю точно: ты или не ты, но что-то очень похожее, — усмехнулся вожатый и ушел в дачу.

Грин растерялся. Почему Александр Сергеевич не спросил, откуда он взялся в такую рань? Может быть, он не хотел услышать ложь? А ведь я действительно бы начал врать. Грин почувствовал отвращение к самому себе.

* * *

В лагере ждали шахматного мастера. Лида и Морозов бродили около клуба, оживленно беседуя. Грин пришел в игротекку и забился в угол. В комнату заглянул Александр Сергеевич.

— Мальчики, расставляйте столы. Мастер приехал.

Ребята повскакали с мест. Закипела суматошная работа.

— Гринчик, а ты что так стараешься? — спросил Шиков. — Ты тоже собираешься играть с мастером?

— Собираюсь.

— Гринчик, ты, наверное, такой же шахматист, как и лыжник. У нас всего двенадцать досок. Играть с мастером будут лучшие.

— Почему ты думаешь, что я худший?

— А ну тебя! — засмеялся Шиков. — Между прочим, я серьезно говорю — играть ты не будешь.

— Как? — Грин побледнел.

— А так. Иди, гуляй лучше.

Грин оделся и пошел к даче. Он вернулся в клуб, когда мастер — высокий, полный человек с выпуклыми бесцветными глазами — рассказывал о предстоящем мировом чемпионате. Потом он показал несколько забавных задач и начал сеанс одновременной игры.

Грин быстро поставил в самом конце телефонный столик, вынул из кармана дорожные шахматы и лихорадочно расставил фигуры.

— Ой какие маленькие! — покачал головой мастер.

Грин посмотрел на него такими умоляющими глазами, что мастер быстро сделал ход.

Грин, счастливый, глянул на ребят, но все они, зажав головы руками, обдумывали ответные ходы. Только Шиков показал ему кулак.

Через пятнадцать минут из тринадцати игроков осталось десять. Через двадцать борьбу продолжало семеро. Когда Грин записал двадцать шестой ход мастера, их осталось трое: Морозов, Тарасов и он сам.

Мастер стоял около Грина и ждал хода.

— Пропускаю, — сказал Грин.

Мастер перешел к Морозову. Тот упавшим голосом сказал:

— Придется отдать ферзя.

— Плохо дело, — согласился мастер.

Морозов смешал фигуры. Мастер улыбнулся.

— Между прочим, — сказал он, — ферзя вы не проигрывали, но можете не расстраиваться: положение было безнадежное.

Тарасов проиграл две пешки, но сопротивлялся уверенно.

Когда мастер снова подошел к Грину, тот посмотрел на него почти страдальчески.

— Простите, пожалуйста, но я еще пропущу ход. Уж очень интересное положение.

Мастер взял стул и тоже стал смотреть на крошечную доску.

— А ну-ка давай переставим на большие шахматы, — предложил он.

— Давайте, — согласился Грин.

Теперь они сидели друг против друга и сосредоточенно обдумывали положение.

— Я пошел, — сказал Тарасов.

Мастер оторвался от доски и, подойдя к Тарасову, не задумываясь, сделал ответный ход. Тарасов тут же ответил. Мастер занял ладью свободную горизонталь.

— Думай, — сказал он Тарасову.

Грин сделал ход. Теперь все столпились около его столика.

Грин пошевелил плечами.

— Отойдите подальше. Мешаете.

— Да, да. Пожалуйста, — кивнул ребятам мастер. Он снова погрузился в размышления и вдруг посмотрел на Грина.

— А ловко!

Грин улыбнулся.

Ребята зашушукались и стали смотреть на позицию, не понимая, что в ней хитрого. Неожиданно для них мастер пожертвовал ладью за пешку и перешел к Тарасову. Тот опять быстро ответил на ход.

— Да не спешите вы! — нахмурился мастер.

— Капут тебе, Тарас, — сказал Чиж.

Тарасов растерянно улыбнулся.

— Пожалуй.

— Ты играй! — шепнула ему Лида. — Грину поможешь. Все-таки отвлекаешь.

Грин ладью брать не стал. Он к изумлению публики предложил ответную жертву и не какой-нибудь ладью, а взял коня, подставив под удар ферзя.

Мастер развел руками.

— Что поделаешь?

— Эх ты, Гринчик, — сказал укоряюще Шиков. — А ведь мог бы ладью выиграть.

Мастер удивленно посмотрел на него и повернулся к Грину.

— Поздравляю вас, молодой человек. Сдаюсь.

— Как? — ахнул Шиков.

— А вот так, обыграл меня ваш товарищ.

И мастер быстро показал, что бы произошло, если бы он взял ферзя.

— Этюдный конец. Мат в четыре хода. — Вдруг мастер погрозил пальцем. — А хитрецы вы, ребята. Самого хорошего игрока на Камчатку посадили.

Шиков покраснел.

— Да нет, — сказал он. — Мы сами не знали.

— Ну, ну, — засмеялся мастер и вспомнил о Тарасове.

— Что у вас тут? — спросил он его.

— Да ничего, — сказал тот. — Сдаюсь.
А Грина уже терзали болячки.
— Гринчик, ты чудо! — ахала Лида.
— Прости меня, Грин, — твердил Шиков. — Кто же мог знать?
— У тебя какой разряд? — спросил Морозов.
— У меня кандидатский балл.
— Ого! И — молчал? — возмутился Шиков.
— А вы бы мне все равно не поверили.
Раздвинув ребят, подошел Александр Сергеевич.
— Поздравляю, Грин.
Он пожал ему руку и, выйдя из окружения, позвал Чижа.
— Сбегай на кухню. Скажи поварам, чтобы они для победителя приготовили королевский пирог.

* * *

Как только в палатах потушили свет, Грин перебрался к Саше Шикову.

— Саша, мне надо с тобой поговорить. Только, если я скажу что-нибудь... Ну, в общем, какую-нибудь чепуху, ты не будешь смеяться?

— А ты не говори чепухи.

— Нет, я хочу сказать об очень важном. Только ты все равно не смейся, ладно?

— Хорошо.
— Вот скажи мне... Ну вот, если тебе нравится человек, а он не знает об этом... Как ему сказать?
— Проще простого.
— Да, но если этот человек — девочка?
— Если девочка? Не знаю, Грин. Я вот тоже никак не скажу.
— И ты с ней давно знаком?
— Давно. Уже три года.
— И никак не скажешь?
— Никак.
— А, может, ей записку написать? Ты напиши, а я отнесу.
— Нет, Грин. Я так не хочу.
— Скажи, Саша, а Морозов дружит с Лидой?

— Да.

— А тебе Лида нравится?

Сашка не ответил. Грин поднялся на локтях и посмотрел ему в лицо. Саша лежал, плотно сжав губы, не сводя глаз с какой-то невидимой Грину точки.

— А! — догадался Грин.

Он осторожно вылез из-под одеяла и ушел к себе. Больше они не разговаривали, но Грин, прислушиваясь к затаенному дыханию Шикова, знал, что тот не спит. Они долго не спали в ту ночь.

Глава восьмая

Вечером начальник лагеря предупредил ребят.

— Чтоб завтра ни одного замечания. Набедокурите — отменю банкет. Так и знайте.

Ложась спать, ребята договорились вести себя пай-мальчиками. А утром Грин не явился на линейку. Вспомнили, что на зарядке его тоже не было. Кинулись на дачу: чемодан оказался на месте.

— Плакал наш банкет, — серьезно сказал начальник лагеря. — Где парень?

Этого никто не знал. Начальник встревожился.

— Искать надо.

— Придет, — уверенно сказал Александр Сергеевич. — Пусть ребята идут завтракать. Я на горки схожу.

Грин явился в столовую, когда мальчишки допивали чай.

— Где был? — поднялся ему навстречу начальник.

Грин улыбнулся.

— Где ты был? — голос у начальника сорвался на крик.

Грин испуганно поежился и ткнул в окно.

— Там.

Жест получился забавным и ребята рассмеялись.

— Прекрати комедию, — тихо сказал начальник. — Где там?

— На горках он был, — сказал входя Александр Сергеевич.

— В такую рань?

— Но ведь это же Грин, — вставил Морозов.

— Банкет отменяется. — Начальник лагеря пошел из столовой. — Александр Сергеевич, зайдите ко мне.

Ребята остались одни.

— Ну, Грин, если банкет отменят, темную устроим, — сказал Чиж.

— За такое можно и светлую, — пообещал Шиков. — Зачем тебя на горки носило?

— Он с большого трамплина прыгает, — сказал Петя.

— Ну и как? — заинтересовался Шиков. Грин опустил голову.

— Лыжи сломал. Я и опоздал поэтому.

— Я же говорю, темной не миновать, — повторил Чиж.

— Ну хватит, — Морозов подошел к вешалке, оделся. — Кто Грина тронет, будет иметь дело со мной. Идемте уламывать начальство.

* * *

Взрослые на банкет не допускались. Распорядителем, как и в прошлые годы, начальник назначил Морозова. Тот усадил ребят, сказал пышную речь во славу повара, и пир начался.

Великолепие стола Грина не обрадовало. Он не знал точно, как обращаться с тортами и пирожными, и имел смутное представление о том, что можно резать ножом, а что нельзя.

Положение Грина было ужасным, если учесть, что Морозов отвел ему место между Таней и Лидой. Чтобы как-то обезопасить себя, он тихо сказал Лиде:

— Я, наверно, сейчас буду есть страшно некультурно.

Лида с удивлением посмотрела на него и улыбнулась. Грин заметил, что сидящий напротив Флит отложил вилку и уставился ему в рот, ожидая, когда Грин начнет есть некультурно.

Грин, красный от смущения и досады, схватил кусок торта, разломил его руками пополам и в два приема, даваясь, как гусак, проглотил обе половинки. Больше, однако, он не отважился взять что-либо со стола и сидел голодный, несчастный, запивая горьким чаем.

После ужина ребята собрались в клубе, где устроили танцы и почту. Танцевать Грин не умел и написал только одно письмо. Он сунул его почтальону и тут же ушел на улицу. Было темно. Свет из окон длинными уродливыми косяками падал на чистый снег.

Ступая по самой кромке оконного отсвета, Грин пошел на поляну, где в первый день лагерной жизни играл в следопыта. Посреди поляны малыши построили снежную крепость. Грин стал ходить вокруг нее, обивая выступы. Вдруг ему почудились шаги. Он затаил дыхание, но легкий шорох одежды гремел сейчас, как сто барабанов. Грин отбежал к елям и спрятался в тень.

На поляну вышла девочка.

— Лида! — позвал Грин.

— Саша?

У Грина болезненно сжалось сердце. Он вышел на свет.

— Это я, — сказал он.

— Ах это ты, Грин! — в ее голосе прозвучало раздражение. — Какую глупую записку ты написал.

— Лида, — сказал Грин. — Я хочу тебе сказать... Мы ведь завтра уезжаем. Лида, я не Грин. Меня зовут Сережей.

— Сережей?

— Да, Сережей, — Грин посмотрел ей прямо в глаза. — Это плохо — лгать, правда?

— Конечно, но ты напрасно сказал мне свое имя. Грин — это романтично! А Сережа... — Лида пожалала плечами.

Грин вспыхнул.

— Эх, ты! А я думал, что ты хорошая! А ты красивая, но злая. Даже Сашка боится тебя.

— Шиков?

— А кто же еще? Он целых три года не может сказать, что хочет дружить с тобой.

— Гринчик, какой ты еще маленький! Но ты скажи своему Сашке, что он дурак.

— Почему?

— Почему, почему!..

— Постой! Я догадался. А как же Морозов?

— Ну, что вы пристали ко мне с Морозовым? Я с ним дружу, но это совсем-совсем другое. Гринчик, милый, ты не обижайся. Ведь мы с тобой друзья, правда?

— Не знаю, — ответил Грин. — У меня в этом лагере не было друзей.

— Но почему, Грин? То есть Сережа.

— Потому, что я всем врал. У тебя мать — журналист, а у Сашки отец — летчик, а мой отец никакой не драматург, его нет у меня. А мама моя простая бухгалтерша. И про книгу у тебе врал. Нет такой книги.

— Грин, глупо стыдиться профессии родителей. — Лида взяла его за плечи. — Мы тебя все очень любили. Если этот лагерь останется у меня в памяти, то только благодаря тебе.

— Все равно, — сказал Грин. — Я врун и плохой человек.

Лида нетерпеливо поправила шапочку.

— Ну, я пойду, Сережа? — спросила она. — Там танцуют.

— Иди.

Лида медлила.

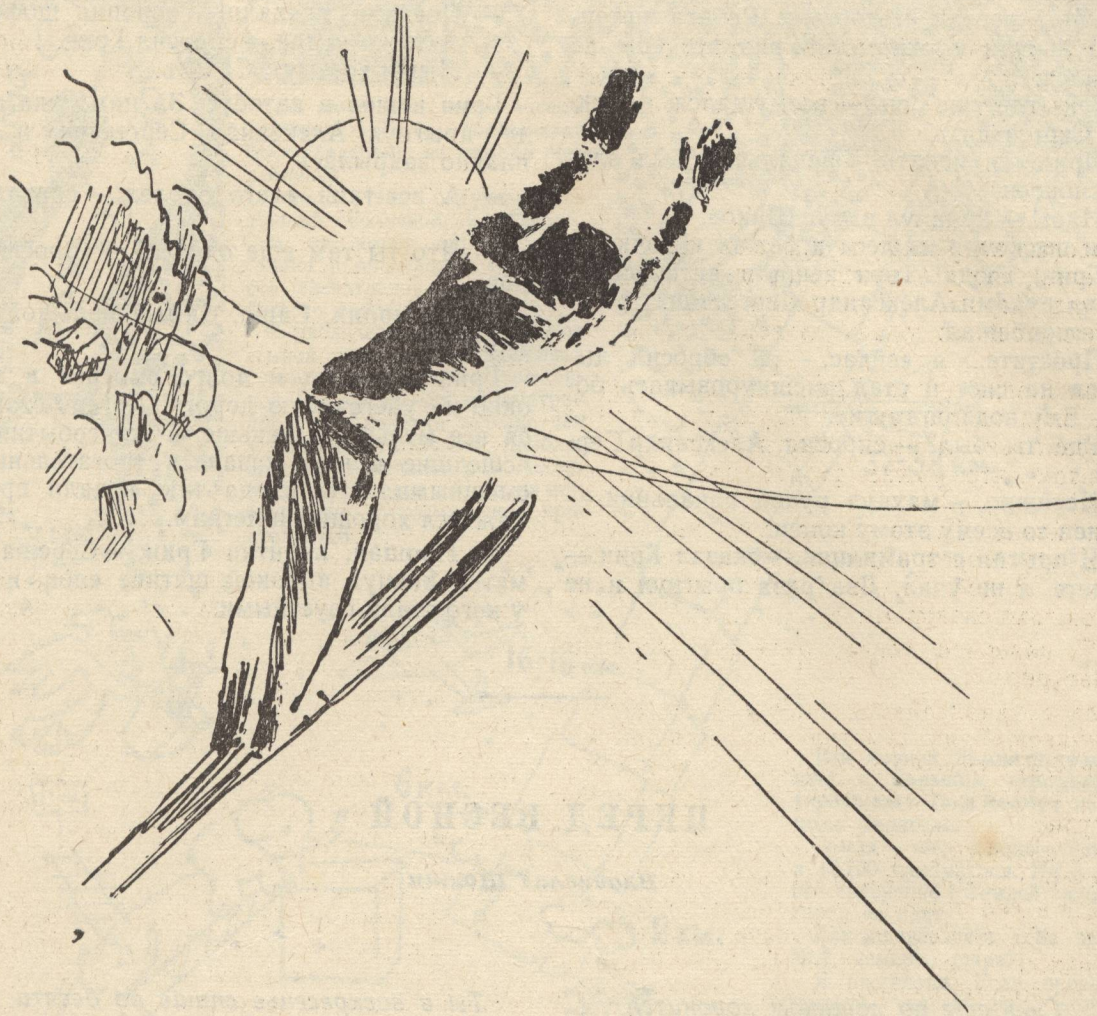
— Дай мне твой телефон, — сказала она наконец.

— У нас нет телефона.

— Тогда адрес.

— Пожалуйста. Дмитровская пятнадцать, тридцать три.

— Дмитровская пятнадцать, тридцать три, — быстро повторила Лида, и Грин понял, что адрес она спросила из вежливости, что через минуту она забудет его.

Последнее

В палате было пусто. В углу стояли сложенные раскладушки, у стен чемоданы, на двери висело осиротевшее расписание дежурных. В палату заглянул Александр Сергеевич.

— Грин, чьи у тебя лыжи?

— Чижя.

— Сдавай скорее! Звонили из города: машины в пути.

— Я сейчас! — Грин торопливо, через ряд, шнуровал лыжный ботинок.

На горках никого не было. Грин стоял над трамплином и раскатывал лыжи. Сколько раз он падал здесь? Грину было досадно, что его никто не видит сейчас. Вдруг из-за холма, шлепая короткими лыжами, выполз карапуз. Грин обрадовался. Пусть посмотрит хоть

этот лопухий. Но лопухий, увидав незнакомца, повернул назад.

— Не везет, — усмехнулся Грин.

Он отставил палки и шагнул вперед.

Короткий посвист ветра, прыжок и неуловимое мгновение полета.

— Вот как надо! — подмигнул Грин сам себе. Он забрался на гору. Победу нужно было закрепить. И вдруг ему сделалось страшно. А что если он упадет и все повторится. Падения, бесконечные падения. Чем больше он думал, тем сильнее был страх, и он уже не мог не повторить прыжка.

— Ай да мы! — засмеялся он радостно, когда лыжи, после полета, унесли его к рыжей незамерзшей речушке.

В лагере волновались.

Машины ревели моторами. Ребята нетерпеливо льнули к окнам, а Грин все еще не появлялся.

— Так где же он? — возмущался Александр Сергеевич.

— Придется искать, — начальник был зловеще спокоен.

— Идет! — крикнул вдруг Шиков.

Грин выскочил из леса и бежал к дачке.

— Грин! Сюда! Твои вещи в автобусе! — замахал руками Александр Сергеевич.

Грин подбежал.

— Простите... я сейчас, — он сбросил лыжи, сел на снег и стал расшнуровывать ботинки. Ему подали другие.

— Где ты был? — спросил Александр Сергеевич.

— Неважно, — махнул рукой начальник. — Наконец-то всему этому конец.

— Я прыгал с трамплина, — сказал Грин. — И знаете, я не упал. Два раза прыгнул и не упал.

— Поехали, поехали! — торопил шофер.

— А лыжи куда? — спросил Грин.

— Лыжи возьмут. Садись.

Грин вошел в автобус. За ним, уже на ходу, прыгнул Александр Сергеевич, и дверь плавно закрылась.

— А все-таки я его одолел, — сказал Грин Пете.

— Что ты там еще одолел? — спросил Шиков.

— Трамплин, Саща. Самый большой трамплин.

Грин привстал и долго смотрел в заднее окно на убегающую дорогу. Лагерь становился все меньше и меньше, и все события, происшедшие в нем, казались трогательными и смешными. Это всегда так: издали прошлое кажется хорошим и легким.

— Прощай, капитан Грин, — Сережа незаметно кивнул высокой щетине елок, и глаза у него стали грустными.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Владислав Шошин

* * *

*Снег еще по лощинам хоронится,
Но уже разговор не о нем...
Если ноготь до почки дотронется —
Почка брызнет зеленым огнем.
И огонь этот по лесу ринется,
И березы качнутся, хмельны,
И упорство врагов опрокинется
От веселой весенней волны!*

* * *

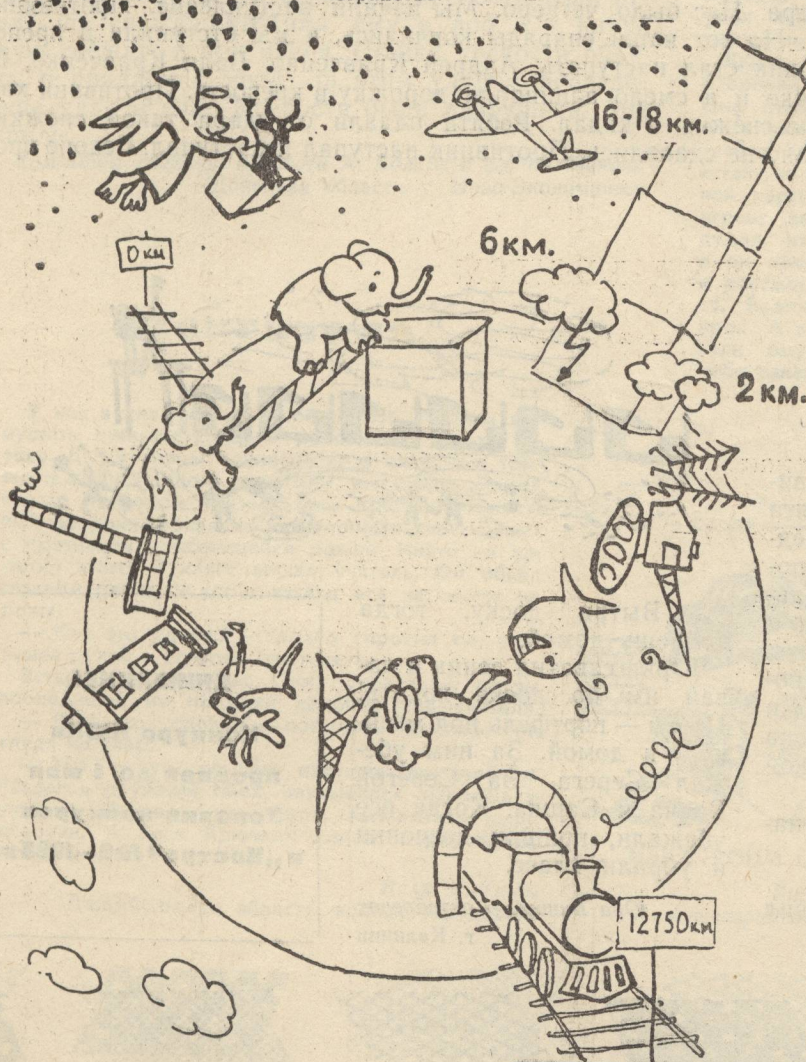
*Ты в воскресенье спишь до десяти,
А нам, оставив город в 8.20,
Заснеженными роцами идти
И миром предвесенним любоваться.
И в память западут на много лет
И белочка на елке, непоседа,
И заячий запорошенный след
У лыжного сверкающего следа.*

Два вопроса о космосе

Где начинается космическое пространство? — спрашивает Толя Макарьев из города Челябинска.

Земной шар окружен воздушной оболочкой, атмосферой. Она не имеет определенных границ и производит обманчивое впечатление голубого небесного свода.

С увеличением расстояния от земной поверхности оболочка ставится все более разреженной. На высоте ста километров плотность воздуха меньше чем у поверхности Земли приблизительно в миллион раз. Постепенно атмосфера сходит на нет, переходит в космическое пространство.

Как велика Земля по сравнению с большим городом? — спрашивает Таня Комчук из города Саратова.

Земля — шар с поперечником в 12 750 километров. Ни в какое сравнение с Землей ни один город не идет.

Как представить себе величину земного шара?

Я рассчитал. Если прорыть туннель сквозь весь земной шар через его центр и ехать по этому туннелю со скоростью 50 километров в час, то понадобится 12 с половиной суток, чтобы попасть из одного конца в другой.

Можно и иначе представить себе величину земного шара. Если бы рядом с каким-нибудь большим городом соорудить куб высотой в семь километров, и сложить в него все дома этого города, все фабрики и заводы, все мосты, рельсы. Поместить туда всех людей — свыше трех миллиардов двухсот миллионов человек, то еще останется свободное место. Можно было бы сложить в этот же ящик всех птиц и рыб, все леса и сады, что есть на земле — и тогда еще найдется свободное место.

Так вот, земного шара хватило бы, чтобы построить 600 миллионов таких ящиков.

НА ВОПРОСЫ ОТВЕТИЛ СОТРУДНИК ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КУЧЕРОВ.

НА КОНКУРС

Снежная крепость.

Здравствуй редакция „Костер“!

Мы построили снежную крепость, заготовили снежки. И вот началась игра. Нас было четверо. Мы начали наступление. Противник отступал. Но вот наши снаряды кончились, и мы отступили в крепость. Противник стал наступать. Андрей Кравченко, Валя Кравченко, Витя Павленко и я смело защищали дорожку в крепость. Противник хватал катаные снежки и кидал. Ребята падали от удара такой снежки, но все равно не сдавались. Противник наступал и наступал. Вскоре против-

Как мы класс убрали

Пятую звездочку оставили убирать класс. Ребята сбежали за вениками и ведром с водой. И пошла уборка! Юрка залез на учительский стол, поставил стул и стал веником размахивать. Сашка принес ведро с водой, нечаянно задел его и пролил воду на пол. Вовка и Сережка играли шапкой в футбол.

Юрка сидел на столе, надоело и говорит:

— Пойду домой.

У дверей его остановил Вовка и сказал:

— Вытри доску, тогда пойдешь домой.

Юрка схватил веник и давай им по доске ходить! Потом — портфель под мышку — и домой. За ним убежал Серега. За Серегой Вовка и Сашка. Когда все убежали, пришли девочки и убрали класс.

Юра Вишнев — октябренок
г. Калинин

ВНИМАНИЕ!

**Конкурс КЮКа
продлен до 1 мая.
Условия конкурса
в „Костре“ №9—1963 г.**

НА КОНКУРС

Молодец, Гнедя!

ник прорвался к крепости. Он подошел к самым стенам. Я обвалил на врага верхушку крепости. Враг отскочил, но снежка угодила ему в лоб. Он кинул катаную снежку, я пригнулся. Стенка крепости обвалилась и придавила меня. За этим ударом последовал еще удар и еще. Крепость была разрушена. Мы отступили.

*Командант снежной крепости А. Волков и его помощники
Донецкая область, г. Ново-Экономическ*

Прозвенел звонок. Валентина Максимовна вошла в класс. Начался урок физики. А место за первой партой пустует.

Вдруг учительница заметила, что озорники хихикают, глядя в угол. Она посмотрела туда. В углу, как ни в чем не бывало, стоял Гнедин.

«Вот дурак-то Гнедя, сам в угол встал», — прошептал кто-то с задней парты. А Гнедя стоит в углу и играет землей из-под фикуса. Он думал, что учительница хватится его, а он преспокойно скажет: «Я тут!» и рассмешит класс. Но Юрка ошибся. Бедняга простоял в углу весь урок. А в перемену мальчишки сказали ему: «Молодец, Гнедя! Сам себя наказал!»

*Ирина Поджогова
г. Иваново*

Стенгазета

У нас в классе был такой случай. Решили выпустить стенгазету. День работы и — газета готова. Две ученицы принесли ее в класс и с торжественным видом повесили на стену. Перед самым приходом учителя Вася Крючкин, известный озорник, привесил чуть пониже газеты лист с противной улыбающейся рожей. Никто не заметил этого. В класс вошел учитель. Он обвел глазами ребят, и вдруг взгляд его наткнулся на рожу.

— Кто это сделал? — грозно спросил он, указывая рукой в сторону стенгазеты.

Встали две ученицы. Они покраснели, потом побледнели, не понимая недовольства учителя.

— Кто это сделал? — повторил учитель, не глядя на класс.

— Мы... — чуть слышно пролепетали девочки. Раздался дружный смех. Заулыбался, наконец, и учитель. Поняв в чем дело, засмеялись наши девочки. А Вася Крючкин сидел и радовался, что его никто не трогал.

*Валя Сиднина
Джамбульская область, колхоз «Трудовик»*

МЫ СТРОИМ СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ

*Рисунок Иры Павловой
Ленинградская область, ст. Паша*

МАСШТАБНЫЕ РЕБЯТА

Н. Печерский

Рисунки М. Беломлиного

ПИСЬМА

Никак не пойму, что за человек этот Леняка. Даже несчастье идет ему на пользу. После истории с шестеренкой все стали относиться к нему еще лучше, чем раньше. Одни смотрели на Леньку, будто на героя, другие — будто на больного, которого нельзя обижать и волновать всякими пустяками.

Никто даже не собирался исключать его из пионеров и писать письмо родным. Наверно, это было потому, что отец Леньки применял телесные наказания. Несмотря на все недостатки, ребята были гуманные люди.

Многое тут шло и от Пал Палыча. Утром Пал Палыч был у нас в палатке. Он проверил, как мы застилаем койки, а потом остановился возле Леньки и сказал:

— Леня, надо выпустить стенную газету. Я вижу, кое-кто у нас разболтался.

Про самого Леньку Пал Палыч никакого намека не сделал. Это, пожалуй, правильно. Леньку уже заставляли рисовать на самого себя карикатуру и путного из этого ничего не вышло.

Обижает меня другое: почему Пал Палыч называет Леньку Ленею, а меня по-прежнему Квасницким? Если бы Пал Палыч знал, что шестеренку разбил не Леняка, а я, он бы называл меня, как заключенного, — гражданином Квасницким. По-моему, у классного руководителя не должно быть любимчиков.

Непонятно мне и поведение Иры-маленькой. Получается так, как будто Ирин друг не я, а какой-то Леняка Курин. В перекур Ира-маленькая подошла ко мне и сказала:

— Коля, ты должен помириться с Ленею Куриным.

— Почему я должен с ним мириться?

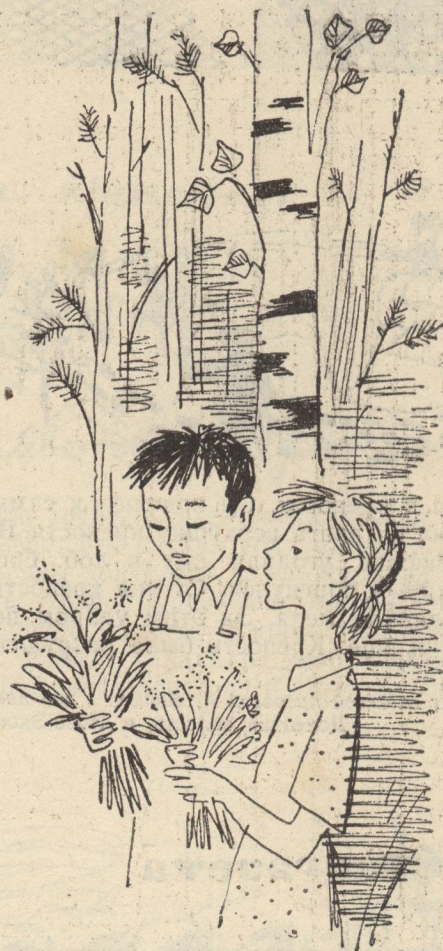
Ира-маленькая оглянулась по сторонам и шепотом сказала:

— Потому что он благородный человек.

Меня взорвало:

— Если Леняка благородный, шептаться нечего. Надо кричать с трибуны!

Губы у Иры-маленькой вздрогнули. Но она все-таки сдержала себя и не заплакала.

— Я не для них говорю, — сказала Ира — Они и так знают...

Леняка благородный человек. Я ничего не понимаю. Я хуже всех. Что же это такое? Почему на свете столько несправедливости?

Беда и радость не ходят в одиночку. Они обязательно приводят за руку своих подружек. Вечером пришла почта и мне сразу же два письма — от мамы и отца.

Самое длинное — от мамы. Это даже и не письмо, а подробная инструкция, изложенная ласковыми и нежными словами — как есть, как стирать носки, как одеваться в зябкие дни.

В письме отца тоже попадались вежливые слова. Но смысл, цвет и запах у них был совсем другой. Отец мой, как я уже говорил, человек очень серьезный и по-настоящему, на все сто процентов, меня никогда не хвалит.

Писал отец, в основном, о пиропе. Он просил пойти к оленьему пастуху и там все точно узнать — найден камешек в реке или это вовсе и не камешек, а кусочек стекла. В конце пись-

Продолжение. См. «Костер» №№ 1—2, 1964 г.

ма отец писал, что у меня легкомысленный подход к делу и мягко называл меня шляпой. За «шляпу» я не обиделся. Если бы отец знал, что и как получилось с пиромом, он бы не делал таких поспешных выводов.

Я еще раз перечитал оба письма и окончательно успокоился.

Первым делом мне надо распутать историю с пиромом. Завтра воскресенье, и я, пожалуй, пойду к оленьему пастуху. Если взять напрямик через тайгу, часа за три можно добраться к его юрте. Жаль, нет у меня тут настоящего друга. Но что сделаешь — раз нет, значит нет.

Манич несколько раз пытался помириться

В ЮРТЕ

Все дело испортила Ира-маленькая. Она догнала меня на краю поселка и спросила:

— Коля, куда ты идешь?

Я сказал первое, что пришло в голову:

— За цветами.

В глазах Иры засияло два крохотных черных солнышка. Я сразу понял, что дал маху. Теперь от Иры не отвертисься.

Так оно и получилось.

Ира-маленькая заправила за уши свои черные, вечно спадавшие на щеки волосы, и вприпрыжку пошла за мной.

— Идем, я знаю, где цветы.

Только этого мне и не хватало! Если я не успею вернуться к обеду от пастуха, Пал Палыч снова будет задавать различные вопросы и придирааться ко мне.

В принципе цветы я люблю. Но в школе об этом лучше не заикаться. Мальчишки утверждают, будто масштабные люди выше цветов и прочих предрассудков.

Но сейчас у меня была только одна мысль: поскорее набрать цветов, отделаться от Иры и махнуть к оленьему пастуху.

Собирать цветы мы начали прямо на опушке. Вокруг березок цвели белыми островками ромашки, поднявшись в полный рост из травы окликал мохнатой шапкой полосатых ос иван-чай, дотлевали, будто угольки в костре, последние жарки. И только багульник стоял меж цветов горюн-горюном. Видно, еще совсем недавно налетел в эти места низовой ветер, сорвал с веток фиолетовые лепестки и унес за Вилюю. Потому и небо сейчас за рекой такое нежное и чуточку голубее, чем везде.

Я набрал за десять минут огромную охапку цветов и крикнул Ире:

— Пошли, что ли? Вот у меня сколько!

со мной. У человека нет никакого самолюбия. Его бьют, а он подлизывается и виляет хвостом. На месте Манича Ленька поступил бы совсем по-другому. Впрочем, про Леньку я сказал просто так, для сравнения. Ленька — отрезанный ломоть и возвращаться к этому не будем.

Между прочим, Манич получил сегодня посылку. В огромном ящике, обитом с углов железными скобками, было на взгляд не меньше пуда. Манич взвалил этот сундук на плечи и немедленно ушел прятать свой харч в тумбочку. Правильно все-таки я назвал этого типа мистером Манчем!

Ира-маленькая улыбнулась в ответ и снова склонилась над каким-то цветком. Все мои планы летели вверх ногами. Пока Ира соберет свой букет, как раз к обеду затрубят.

Объяснять Ире, куда мне надо идти, глупо. Самое верное дело — улизнуть. Потом можно что-нибудь придумать и оправдаться. Ира тут, конечно, не заблудится. Вон — Вилюй, а вон и наш поселок. Раз-два и там.

Сначала я пытался от дерева к дереву, потом развернулся на сто восемьдесят градусов и нажал на все педали... Вперед!

Тайга становилась все плотнее. Вокруг стояли теперь лишь сосны да высокие лиственницы, такие, что не добросишь камнем. Лишь кое-где росли меж деревьев кусты черемухи да колючий, вцепившийся насмерть в землю, шиповник.

Я остановился. Надо оглядеться, куда занесли меня мои ноги. Ага — справа поблескивает Вилюй, чуть слева — дорога, по которой мы недавно пришли в поселок, а вот он я. Придется взять еще левее, срезать угол и тогда все будет в порядке.

Летом в тайге броди сколько хочешь. Никто не тронет. У волчишек свои дела, у медведей — свои.

Вскоре мне попалась тропка. Видно, совсем недавно шел по ней к Вилюю охотник. Вот тут, на этом растрескавшемся вдоль и поперек пеньке, он курил, а вот сорвал масленок, потрогал пальцем тугую, как мяч, шляпку и положил у тропы:

— Ты меня извини, гриб, я за тобой в другой раз приду.

Нет на свете ничего милее таежной тропки. Но мне пришлось с ней расстаться. Она свернула влево, а мне надо прямо. У тропки свои дела, у меня — свои.

Я прошел еще километр или два и уперся прямо в рыжий сухой торфяник. Казалось, лес в этих местах прочесал своими гусеницами огромный трактор. Деревья стояли, как попало — одно качнулось вправо, другое — влево, а третье, крикнув, свалилось на землю. «Эге-ге, — сказал я сам себе, — тут надо глядеть в оба!»

Один раз, когда мы ходили с отцом белковать, я чуть-чуть не затесался в такой пьяный лес. Деревья падают тут не просто так. Валит их набок подземный огонь, который живет в торфянике, будто в печке. Прощумит в одночасье по тайге пал, выжжет до черноты траву и стихнет где-нибудь в сыром холодном распадке. И только в торфянике подолгу сидит, подгрызает корни деревьев своими острыми зубами огонь. Порой и зазимует там под белой снежной шапкой. Попадешь в такое пекло — пощады не проси. Масштабный ты или не масштабный — все равно обгоришь до самых ушей.

Я обогнул торфяник и снова пошел вперед. Еще немножко, еще чуть-чуть и за деревьями снова блеснет Вилюй и я выйду как раз к тому месту, где мы разводили свой пионерский костер.

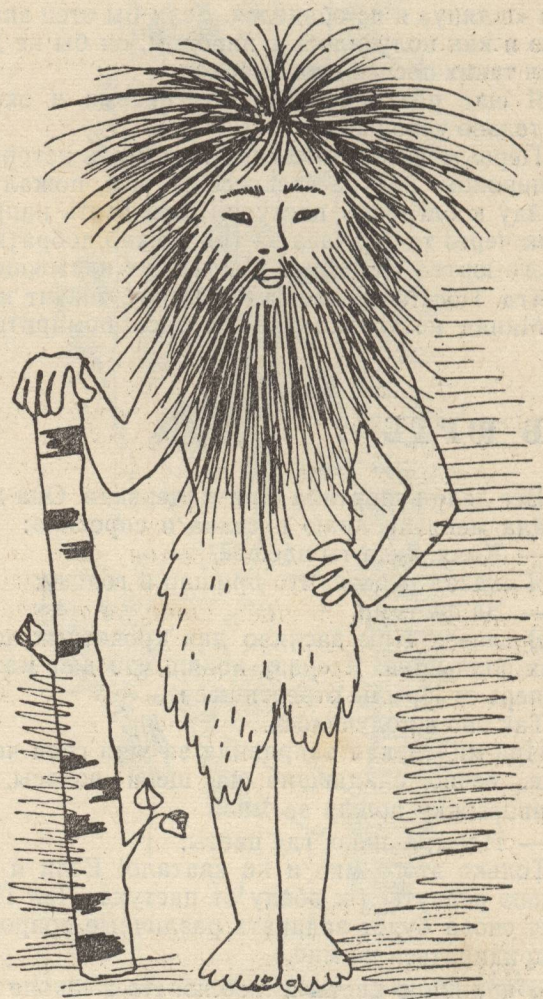
Хорошо все-таки возвращаться на старые места. Там все твоё — и холмик, на котором хлебал из котелка пшеничную кашу, и пчела, которая кружила возле твоего носа, и крохотный уголек из костра.

Но что это, почему так долго не показывается Вилюй? Я остановился на минутку и стал думать: «Сначала я шел прямо, потом свернул влево, потом обогнул болото и снова взял напрямик. Хорошо, подумаем еще раз: вот у меня левая рука, вот правая... Да нет, все в порядке. Дуй вперед, Колька!»

Мама всегда говорила, что у меня сложная и заковыристая натура. Я сам пытался разобраться, кто я такой и почему на меня валятся со всех сторон шишки и камни. В отношении сложности мама, по-моему, права. Где-то в середине меня живут совсем рядышком трусость и легкомыслие. Трусость у меня врожденный порок, а легкомыслие перешло, как грипп или коклюш, от Леньки Курина. Тут нет ничего странного. Попробовали бы дружить с Ленькой столько, как я!

Чего мне стоила дружба с Ленькой Куриным, я понял лишь тогда, когда окончательно запутался в тайге. Я не хочу рассказывать об этом. Надо снова вспоминать, как я метался от одного дерева к другому, плакал и звал кого-то на помощь.

Спас меня случай. Я кружил по тайге, как шальной, и вдруг увидел тропку. Ту самую,

которую легковерно бросил еще в начале пути. Милая, дорогая тропка. Она вывела меня из тайги, а затем, когда самое страшное осталось уже позади, простилась со мной и навсегда исчезла в мелких приречных голышах.

Конечно, кое-кто мне не поверит. Расскажи про это Леньке Курину, он сразу станет на дыбы.

— Мура! Такой конец бывает только в сказках.

Если бы я сторел в торфянике или попал бы в брюхо медведя, Ленька сказал бы: «Вот это класс!»

Тропка привела к тому месту, где мы жгли костер. Только Виллой оказался не с правой руки, а с левой. Я дал огромный крик и пришел к цели совсем с другой стороны.

Солнце уже катилось к западу. Тень от берега захватила половину реки. В тальниках задумчиво и грустно крякали утки. Только сейчас я понял, что устал и хочу есть. Но являться в гости вот таким было неудобно. Я вымыл руки и лицо, прикрепил булавкой клочок рукава, застегнулся на все пуговицы и пошел к оленьему пастуху. Будущее меня не тревожило. Я выпрошу у пастуха про камешек, узнаю короткую дорогу и — в путь. Вполне возможно, якут уважит и даст мне верхового оленя. Деловые люди всегда найдут общий язык.

Я открыл дверь, улыбнулся и громко сказал:

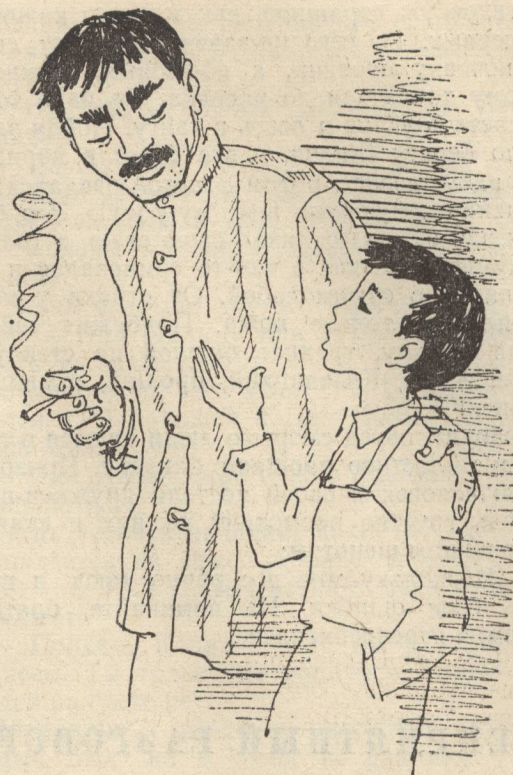
— Капсе, дагор!

Юрта была пуста. Возле окошка лежал вверх ногами круглый табурет, в углу стоял, как ружье, старый, треснувший на макушке хорей. Я кинулся из юрты, стал кричать на всю тайгу.

— Эге-е-й! Эге-е-й!

Но нет, не звенел колокольчик на шее оленя, не слышалось в ответ глухого надсадного бреха собак. Олений пастух угнал стадо в другие места. И не скоро теперь войдет он в юрту, поднимет трехногую табуретку и протрет рукавом кухлянки пыльное стекло. Лишайник, до которого так падки олени, растет очень медленно. Поднимется за короткое лето на три-четыре сантиметра и — шабаш. Нету ему больше ходу до следующей весны.

Я стоял возле юрты и с тоской смотрел на темную, притихшую к ночи тайгу. В голову снова полезли глупые, дикие мысли. Теперь я ни за что не найду обратную дорогу. Придется жить в тайге и питаться, как древняя обезьяна, о которой рассказывала на пятиминутке Зинаида Борисовна.

Лет через пятнадцать, а то и двадцать вновь зазвенит в этих местах колокольчик оленя-вожака. Олений пастух с опаской глянет на бородатого, оборванного мужчину с голубыми глазами и черными, как уголь, волосами и скажет:

— Капсе, дагор!

— Эн капсе! Рассказывай ты. Ничего я не знаю. Даже то, что раньше знал, и то забыл.

— Худо твое дело, — скажет олений пастух. Запряжет пастух в нарты оленей и помчит в ПГТ. Там уже настроят и фабрик, и заводов, и новых школ, и кафе-мороженных. Возможно, что будет уже и не ПГТ, как раньше, а самый настоящий город.

Прикатит пастух на Большую Садовую, затормозит ногой нарты и спросит:

— Тут, однако, твоя изба, гражданин Квасницкий?

Соберется толпа. Шум. Споры. Не каждый же день привозят из тайги такое чудо.

Голод загнал меня в юрту. Пастухи, так же, как и охотники, оставляют порой харчишки для незнакомого друга. Я обшарил юрту и нашел в углу за полатами в кожаном мешочке сухую рыбину и пяток черных скрюченных сухарей.

После еды на душе у меня немного полегало. Может быть, я зря вешаю нос и дело

не такое уж страшное, как мне это кажется. Во-первых, не сегодня-завтра завернет сюда на ночевку охотник, а во-вторых, можно и самому добраться до поселка. Не надо только срезать углов и лезть в тайгу. Пойду завтра по берегу Вилюя, и все будет в порядке.

И вдруг совсем рядом с юртой раздался негромкий тоскующий вой: «у-у-у!» Это был волк. Он еще не скликал свою стаю, а только раздумывал и еще в чем-то сомневался и советовался с самим собой. От страха у меня отерпла на голове кожа. Подбежит сейчас серый к окну, трахнет башкой по стеклу — и все. Адьо, Квасницкий, прощай, гуманный человек!

Говорят, перед смертью люди каются в грехах и милостиво прощают близких. Призовет такой человек к своей постели дружков-приятелей, грустно посмотрит на них и скажет умирающим шепотом:

— Поскольку мне все равно каюк, я признаю свои ошибки. Не поминайте, братцы, лихом, я перевоспитался...

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

В хороших книжках все заканчивается благополучно. Я уже говорил об этом. Если какой-нибудь писатель вздумает писать книжку про меня, он останется доволен.

Первобытной обезьяны и снежного человека из меня не вышло. Точнее: утром возле юрты послышались громкие голоса. Я вскочил с полатей, протер заспанные глаза и увидел в окошке ребят. Впереди всех стоял Ленька Курин, а возле него плотник якут, который недавно подарил мне настоящий гвоздь.

Через две минуты я знал все. Вчера Ира-маленькая прибежала из тайги в поселок и подняла трам-тарарам. Ира сказала, что я заблудился в тайге или вообще сбежал в неизвестном направлении.

После обеда ребята отправились на поиски. Они обшарили все вокруг поселка и, конечно, вернулись ни с чем. Ночью в поход отправились с фонарями и факелами строители, а утром Пал Палыч снова поднял всех ребят. Пал Палыч повел седьмой-б к торфяникам, а

Слушая завывание волка, я тоже каялся в своих грехах. Я мало прожил на свете, но уже натворил много неприятных и позорных дел: хватал двойки, потому что любил спать и не любил работать, вырывал из дневников листы, грубил учителям, сваливал свою вину на других и особенно на своего лучшего друга Леньку Курина. Теперь, когда шли последние минуты моей жизни, я понял, что Ленька в самом деле был масштабным человеком. Он выручал из беды товарищей и горой стоял за справедливость и крепкое мальчишеское братство. Ленька — это был Ленька!

Я не хотел ничего преувеличивать и хвалить себя в эти трагические и ужасные минуты. Видимо, у меня тоже есть какие-то недостатки... Если волк передумает и все-таки не пойдет на крайнюю меру, я перевоспитаюсь и буду жить совсем по-другому. Я приду к Пал Палычу и честно, без утайки скажу ему:

— Пал Палыч, накажите меня. Я трус и ничтожная личность. Ленька Курин не виноват. Я сам разбил шестеренку...

Ленька и якут-плотник отправились сюда. По глазам Леньки я видел, что он очень доволен. Теперь Ленька будет говорить, что спас меня, вырвал из лап смерти и так далее.

Ликований при встрече не было. Ребята устали и, главное, думали, что я спасовал перед трудностями и дезертировал со стройки. Мне было обидно. За кого они меня принимают!

Ленька снова делал вид, будто он самый

старший и самый главный. Ребята сели отдыхать, но Ленька тут же поднял всех на ноги.

— Пошли, — сказал он, — а то мы из-за этого дурака на работу опоздаем.

Счастье Леньки, что вокруг было много свидетелей. Если б Ленька был один, я бы не посчитался с его самолюбием. Я бы сказал Леньке такое, что он бы сразу скис.

Подозрительно смотрел на меня почему-то и якут-плотник. Когда мы выбрались на тропу, он тронул меня за рукав и тихо, так, чтобы никто не слышал, спросил:

— Ты, однако, куда убежал, Колян?

— Видите, — сказал я, — тут замешан один человек. Но я еще сам не знаю, замешан он или не замешан. Если он замешан, тогда я все расскажу. Вы меня понимаете?

Плотник шевельнул черными густыми бровями, но ничего не ответил. Похоже, он не поверил. Это было обиднее всего. Если он про меня так думает, пускай забирает свой гвоздь.

Я шел вслед за ребятами и ругал сам себя. Зря я все-таки поторопился и сделал Леньку масштабным человеком. Ленька типичный карьерист и думает только о себе. При всех ребятах он называл своего лучшего друга дураком. Я ему никогда этого не прощу!

Про шестерню Пал Палычу говорить тоже не буду. Конечно, я давал клятву, когдаazole юрты тянул свою поминальную песню серый. Но это ничего не значит. Тогда была такая обстановка, а теперь совсем другое. Я не мог предвидеть всего.

До обеда работать почти не пришлось. Пока переоделись, пока то да се, затрубил горн и мы отправились в столовую. На стене, как раз напротив моего стола, я увидел плакат. На длинной бумажной полоске красными буквами было написано: «Кто не работает, тот не ест». Я сразу узнал Ленькин почерк. Никто не умел в классе вытягивать так заливчато крючок на букве «К».

Плакат ни капельки не испортил мне аппетита. Прежде чем упрекать человека и швырять в него камнями, надо все продумать и все взвесить. Если бы Ленька был умнее, он бы понял это сам.

Пал Палыч всегда говорил нам: «Терпение, терпение и еще раз терпение». Но сейчас я видел, что Пал Палыч изменил этому правилу. Он то и дело поглядывал в мою сторону и как будто бы говорил:

— Ты, Квасницкий, молчи, да не очень. Терпению моему подходит конец. Так-то, брат!

После обеда Пал Палыч нарочно задержался в столовой и вышел вместе со мной

последним. Кто на кого первый посмотрел, я не помню — я на Пал Палыча или Пал Палыч на меня.

— Ну что? — спросил меня Пал Палыч взглядом.

— Да так себе, ничего...

Но Пал Палыч уже не отступал от меня, смотрел на меня в упор и спрашивал:

— Кончим молчанку, Квасницкий, или не кончим?

У меня не было другого выхода — или подойти к Пал Палычу или тут же бежать от него, куда глаза глядят.

Случилось то, чего ждал Пал Палыч и чего боялся я. Я подошел к Пал Палычу и запинаясь сказал:

— Пал Палыч, мне нужно с вами серьезно поговорить...

Когда человек начинает какое-нибудь дело, он надеется на самое лучшее. Я думал, все будет так: Пал Палыч возьмет меня за плечо и скажет:

— Пойдем, Коля. Сейчас мы с тобой все утрясем. Ты только не волнуйся. Идеальных людей на свете нет.

Возможно, я что-то не рассчитал или Пал Палыч был не в духе, но разговор у нас получился совсем другой. Собственно, и разговора не было. Пал Палыч вынул из кармашка часы на медной цепочке, щелкнул крышечкой и сказал:

— Приходи ко мне через час в палатку.

Пролетел в раздумьях и тревогах час, и я пошел к Пал Палычу. Я уже говорил, что где-то в середине меня жили рядышком трусость и легкомыслие. Легкомыслие толкнуло меня на разговор с Пал Палычем. Теперь оно стояло в сторонке, смотрело на черную горбатенькую трусость и ехидно хихикало.

— Иди, иди. Посмотрим, что из этого выйдет.

Я тихонько постучал в дверь и вошел в палатку. Пал Палыч сидел возле стола и переписывал что-то из толстой, мрачной на вид книги.

— Садись, — сказал Пал Палыч, — я сейчас.

Я сел на скамейку и краешком глаза посмотрел на книжку. Это было «Штукатурное дело», по которому преподавал теорию инструктор Ваня.

Неужели Пал Палыч тоже хочет получить разряд?

Пал Палыч продолжал писать. Он был высокий и поэтому горбился и чувствовал себя неловко за столом. Видимо, поэтому, он всегда стоял в классе возле окошка или ходил взад-вперед около доски.

Пал Палыч родился на Украине. Где-то в селе возле Днепра жили и теперь его брат и сестра. Два года назад Пал Палыч получил от них письмо, затосковал и решил навсегда уехать на родину.

К дому Пал Палыча пригнали две упряжки. Одну для чемоданов и книжек, а другую для него самого. Никто не объявил, когда уедет Пал Палыч, но проститься с ним пришел весь класс. Пал Палыч вышел из дому в своей огромной дохе и таких же огромных рукавицах. Он увидел нас и вдруг тяжело, будто провинился в чем-то, опустил голову. Он долго стоял вот так, а потом махнул рукой и сказал:

— Ребята, помогите мне внести обратно чемоданы...

Пал Палыч окончил писать и посмотрел на меня внимательно, чуточку прищуренными глазами.

— Рассказывай, я слушаю.

Я знал, что Пал Палыч не любит предисловий и сразу обрывает того, кто размазывает кашу. Бить отбой было уже поздно. Я все равно погиб. Пускай будет, что будет.

— Пал Палыч, — сказал я, — Ленка не виноват. Шестеренку разбил я.

На лице Пал Палыча не дрогнула ни одна жилка. Я подумал, что Пал Палыч не расслышал или не понял меня, и снова сказал:

— Пал Палыч, это я разбил шестеренку!

— Я знаю, что разбил ты, — сказал Пал Палыч. — Что дальше?

Я ошалело глянул на Пал Палыча. Пал Палыч, видимо, понял меня без слов.

— Зря сомневаешься, — сказал он. — Про вора и шапку, надеюсь, слышал?

— Слышал, — неохотно ответил я. — Разве на мне шапка горела?

— Горе-е-ё-ла! — убежденно и, по моему, даже с какой-то радостью сказал Пал Палыч. — Я, Квасницкий, все помню — как песни ни с того ни с сего пел, как добавку у повара просил. Ведь ты же не хотел есть. Правда?

Я помалкивал.

Пал Палыч ничего не спросил меня про мой побег. Очевидно, он провел прямую линию между шестерней и побегом, решил, что я испугался разоблачения и поэтому дал стрекача.

Мне было неприятно, что Пал Палыч тако- го невысоко мнения обо мне, но я все-таки помалкивал. Придет время и Пал Палыч сам узнает, какой я есть на самом деле.

Пал Палыч разделал меня под орех. Мне даже самому стало противно смотреть на портрет, который он нарисовал. Может, я и в самом деле закрываю глаза на свои недостатки?

— Пал Палыч, — сказал я. — Я виноват. Пускай меня проработают на сборе и разрисуют в стенгазете. Я не возражаю.

— Нет, Квасницкий, это не годится. Я уже думал... Ребята тебя не простят. Не могу я им сказать: «Дружите с Колей Квасницким. Он хороший мальчик». Они не слепые. Сами видят...

Пал Палыч открыл «Штукатурное дело», согнул над столом свои широкие сутулые плечи. Я прекрасно видел — Пал Палыч смотрит

в книжку просто так. Когда читают, зрачки еле заметно бегают вправо и влево.

Я подождал еще немножко и спросил:

— Что же мне делать, Пал Палыч?

Пал Палыч оторвался от книжки.

— Не знаю, Квасницкий. Сам нашкодил, сам и думай. Я тебе ничего посоветовать не могу.

Никто еще не обижал меня так, как Пал Палыч. У меня закололо в носу и противно задрожали губы. Я отвернулся от Пал Палыча, чтобы он не видел моих слез.

Пал Палыч с шумом отодвинул табуретку и поднялся.

— Ты, Квасницкий, слез не разводи, нечего, — сказал он. — Мужчина все-таки...

ПИСЬМО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Слово «соревнование» я услышал и запомнил давно, когда еще только пошел в первый класс.

В поселке на углу Большой и Малой Садовой висел на столбе репродуктор. Утром он кричал мне издали уверенным, чуточку хриплым после сна голосом:

— Доброе утро!

Я отвечал:

— Доброе утро! Я уже встал. Я иду в школу!

Если в эту пору на улице никого не было, я кричал громко, если кто-нибудь шел рядом, отвечал ему вполголоса. Настоящий друг услышит даже самый далекий и тихий шепот.

Репродуктор рассказывал мне по дороге новости. О том, как работают углекопы, как валят деревья лесорубы и соревнуются сталевары. Видимо, слово «соревнование» было самое главное и самое важное в жизни человека. С ним начиналось утро и заканчивался большой хлопотливый день. Люди узнавали, что они сделали за этот день, и только тогда говорили друг другу — «спокойной ночи!»

Я спрашивал свою маму, почему все соревнуются и только мы, мальчишки, стоим в стороне и чего-то ждем. Мама улынулась:

— Учись на пятерки и можешь считать, что ты соревнуешься.

И все-таки один раз я соревновался совсем по-настоящему, как взрослые. У папы был день рождения, и мы пригласили много гостей. Мама затеяла шанежки с картошкой. Она поставила на пол две кастрюли, выволокла из закуска мешок с картошкой и сказала:

— А ну, давай соревноваться, кто быстрее!

Выждал минутку, и потом подошел ко мне и крепко взял за плечи.

— Вот что, Коля, иди к Лене Курину и все ему расскажи...

— Мне к Леньке идти нечего, — сквозь слезы сказал я. — Мне вообще идти некуда.

— Глупости, — сказал Пал Палыч. — Ленья за тебя пострадал, пускай он тебя и судит. Иди, иди. Он парень хороший. Договоритесь до чего-нибудь...

Я вышел за дверь еще больше подавленный и пришибленный своим горем.

Нет, к Леньке Курину я не пойду. Ни за что!

И тут у нас пошло! Картофелины одна за другой летели в кастрюлю. Даже носа некогда вытереть. Шмыгнешь — и снова за дело. Я порезал палец, но работу не бросил. Пока будешь возиться с бинтами и зеленкой, упустишь все на свете.

Я закончил дело первым. Мама посмотрела на полную с горкой кастрюлю и с завистью сказала:

— Признаю. Ты победил. Только очистки у тебя очень толстые. Если будем так соревноваться, картошки до весны не хватит.

Но так или иначе, я чувствовал себя победителем без скидки. Я не мог знать и предвидеть всего, потому что соревновался первый раз в жизни.

Теперь слово «соревнование» снова вошло в мою жизнь. Мы будем соревноваться с седьмым-б по-боевому, по-мужски, а это, как хотите, совсем не шутка и не пустяк.

К месту боя нас привел прораб Афанасьев. Он растолковал, где работать, какой раствор брать в первую очередь и попутно извинился за прошлые дела.

Старшиной у нас по-прежнему остался Ваня, а Пал Палыч сказал, что он тоже ученик и будет работать вместе со всеми. Из-за этого завязался целый спор. Ребята из седьмого-б тащили Пал Палыча к себе, а мы не отдавали, потому что Пал Палыч наш.

Спор, который мог в любую минуту дойти до драки, прекратил сам Пал Палыч. Он сказал, что болеет одинаково за всех и поэтому один день будет работать у нас, а другой — у них.

Каждому классу дали штукатурить свой дом и каждому штукатуру свою стенку. Мне достался второй этаж. Кроме меня, тут была вся наша капелла — Ира-большая, Ира-маленькая и Манич. Леньке и Пал Палычу, который так же, как мы, был штукатуром и учеником, отвели первый этаж.

Мы не теряли ни одной минуты. Каждому хотелось показать, на что он способен, и утереть нос седьмому-б. Я в успехе не сомневался. Седьмой-а всегда был и останется седьмым-а.

Был у меня и свой личный план — обставить Леньку Курина. В коридорчике, возле комнаты, где работал Ленька, стоял бачок с водой. Через каждые полчаса я бегал туда и смотрел, как работает Ленька. В животе у меня было сплошное наводнение. Но что я мог сделать? Не бегать же в коридорчик просто так...

Похоже, Ленька меня немножко опередил. Это было потому, что работал я не так, как некоторые другие, и нажимал на качество. Урок, который мама задала мне с картошкой, не пропал зря. Стоило посмотреть на мою гладкую, без единой морщинки штукатурку, и все сразу было ясно.

Штукатурка стен — дело тонкое и хитрое. Сначала надо было бросить в ячейки из мягких полосок драни жидкий раствор, смочить каждую щелочку и впадинку. Это называется обрызг. После обрызга на стену кладут густой, вязкий слой раствора — грунт и уже потом, когда ячейки полным-полнежоньки, будто пчелиные соты, начинают накрывку. Накрыв стену тонкой гладкой пленочкой, затем полутеркой — и порядок!

Я штукатурил свою стену и представлял, как будет здесь, когда в дом придут первые новоселы. Там, где работает Манич, они поставят кровать, там, где Ира-маленькая — книжную полку, а вот тут, возле меня, — тумбочку с белым кувшином для цветов. Это будет уже совсем скоро. В комнату с чемоданами в руках войдет мужчина в сереньком простом пиджачке, женщина с узелком и белокурая девчонка с куклой, завернутой в белую тряпочку. И вмиг комната станет еще красивее и пригожей. Штукатурка не даст ни одной трещины, ни одной вмятины, потому что клал ее и затираю полутеркой не кто-нибудь, а настоящий штукатур!

Настало время обеда. Уже давно простукали по сходням каблучки ребят, а я никак не мог оторваться от работы. Еще немножко — и я перегоню Леньку. Когда я в последний раз бегал пить воду, я видел, что у Леньки было заштукатурено чуть больше, чем у меня.

Глядя на меня, работали Ира-большая и Ира-маленькая. Манич не решался уходить один и топтался у порога, как конь.

Снизу слышались крики.

— Эй, Квасницкий, где ты?

Я положил сокол на ящик с раствором и пошел строиться. По дороге я еще раз заглянул в Ленькину комнату. Ленька наштукатурил больше, чем я, но хуже. Это было видно с первого взгляда.

Мысль, что Ленька временно победил меня, не давала мне покоя ни в столовой, ни в палатке, когда наступил тихий послеобеденный час. Я лежал на кровати и злился.

Ребята поворочились немножко и начали засыпать. То в одном месте, то в другом слышался бодрый самоуверенный храп. По-видимому, уснул и Ленька. Я спустил ноги с кровати, нащупал ногой тапочки. Если я сейчас выйду, никто мне ничего не скажет. У человека даже во время тихого часа могут быть свои личные дела. От этого не застрахован никто.

Я прибежал на стройку, взял свой сокол и начал с ходу бросать в ячейки раствор. Вокруг было тихо и немножечко грустно, как бывает всегда в большом пустом доме. Где-то вдалеке, видимо, на самом краю поселка, стучали топоры плотников и глухо урчал, ворочая глыбы земли, экскаватор.

И вдруг я услышал на первом этаже песню. Интересно, кто это может быть? Я спустился на цыпочках вниз и к удивлению своему увидел Пал Палыча. Он стоял посреди комнаты и размешивал в ящике деревянным веслом раствор.

Сейчас он наверняка думал, что все ребята лежат в кроватях и переваривают пищу химическим путем. Я послушал песню Пал Палыча и дал задний ход. Не надо лишать человека приятных заблуждений.

Вскоре возле дома слышался шум и гам. Пришли ребята. Меня, оказывается, никто не разыскивал. Все думали, что я пришел на работу чуть раньше. Никто не спросил меня, почему я только в трусах и майке. У каждого может быть свой вкус и своя мода.

Снова стало весело и шумно в нашем доме. Работали все, как звери. Никаких перекуров и пустых разговоров. Вытрешь пот со лба и снова за дело. Где тут перекуривать, когда седьмой-б наступает на самые пятки. Жару подавал наш инструктор производственного обучения Ваня. Прибежит от наших противников, глянет, кто как работает, и кричит на весь дом:

— Нажимай, братва, седьмой-б обгоняет! Это была военная хитрость. Нам Ваня го-

ворил, что обгоняет седьмой-б, а седьмому-б — наоборот.

В конце дня пришел прораб Афанасьев с железной рулеткой. Он промерил, сколько сдали мы и сколько седьмой-б, что-то подчитал, заглянул в книжечку со своей знаменитой калькуляцией и сказал:

— У седьмого-а — сто три процента, у седьмого-б — сто один. Пока победил седьмой-а.

Мы страшно обрадовались и даже пропустили мимо ушей слово «пока». Видимо, прораб сказал, что мы победили «пока», непродуманно. Он еще не знал, с кем имеет дело. Больше всех, конечно, радовался я. Наш класс обогнал седьмой-б на два процента потому, что я не переваривал, как некоторые другие, пищу химическим путем, а работал. Это все-таки приятно — принести победу своему классу.

Пал Палыч все время наблюдал за мной и Ленькой — объяснились мы или еще не объяснились. Он пока молчал. Но мог в любую минуту спросить:

— Квасницкий, в чем дело?

Ответить мне Пал Палычу будет совершенно нечего. Конечно, с одной стороны я не давал слова, что расскажу Леньке про шестеренку. Но с другой стороны, я не возражал и тем самым намекнул, что все будет в порядке.

Короче говоря, я решил объясниться с Ленькой. Я не буду становиться перед ним на колени, просить извинения и так далее. Я скажу Леньке, что разбил шестеренку, но Пал Палычу признаться не успел. Я распутывал дело, которое в сто раз важнее шестеренки. Поэтому я и в тайгу бегал. Ленька мог не торопиться со своими признаниями и не лезть, куда его не просят.

Случай поговорить с Ленькой подвернулся сразу же после работы. Ребята занимались чем придется, — одни писали домой письма, другие резались в козла, а третьи тушили на волейбольной площадке мячи.

Ленька посидел немножко возле игроков, а потом, будто бы раздумывая, подошел к кровати и снял со спинки полотенце.

— Ребята, кто со мной купаться?

Ему не ответили. Когда люди играют в домино, их лучше не трогать. Ленька подождал еще немножко, пожал плечами и отправился на Вилую сам.

«Пора, — подумал я. — Сейчас или никогда».

Я догнал Леньку на тропе и пошел с ним рядом. Ленька быстрее — и я быстрее. Ленька тише — и я тише. И Леньке и мне было совершенно ясно — объяснений не избежать. Но Ленька почему-то решил, что первый должен начать я. Он шел по тропе и принципиально молчал.

Из двух людей кто-то всегда окажется умнее. Я прошел еще немножко и сказал:

— А все-таки, Ленька, ты — свинья!

Ленька не ответил на «свинью». Он даже не посмотрел на меня.

— Самая настоящая свинья! — повторил я.

Когда человеку нечем крыть, он прекращает спор или пускает в ход кулаки. Ленька скривил физиономию, как будто был кругом прав, и быстро пошел по тропе. Я не дал Леньке уйти: история с шестеренкой сидела у меня в печенке. Я не мог больше молчать и ссориться с Пал Палычем из-за какого-то Леньки.

— Подожди, Ленька, — крикнул я. — Я еще не все сказал!

Но через минуту я уже раскаивался, что рассказал Леньке про шестеренку. Ленька размахивал кулаками и ругался такими словами, за которые надо немедленно вырвать язык вместе с корнем. В заключение Ленька

плюнул в меня, но промахнулся и задел только кончик уха.

Мы встретились с Ленькой на тропе врагами и врагами разошлись. Ленька ушел на Вилюй, а я обратно в поселок.

До ужина было еще часа два. Но я ходил как пришибленный. Теперь, пока Ленька здоров, на хорошую жизнь надеяться мне нечего.

Вернулся с Вилюя Ленька. Он был строг, спокоен и даже немного суров. Так ведут себя люди, когда примут какое-нибудь окончательное твердое решение. Ленька расправится со мной сегодня. Это было ясно. Такие типы, как Ленька, ждать не будут.

То, чего я боялся, случилось в столовой.

После ужина, когда все уже поели и собирались уходить, Ленька поднялся со своего места и громко сказал:

— Ребята, прошу тишины! У меня объявление.

Сердце мое страшно заколотилось. Я посмотрел на Леньку, будто на свою судьбу. В этом взгляде были и тоска, и просьба, и глужая тяжелая обида. Я защищал Леньку, когда ребята называли его трепачом, давал ему списывать свои контрольные работы, прятал Леньку на чердаке, когда отец применял к нему телесные наказания. Неужели ты забыл все это, бывший друг Ленька?

Ленька малодушно избежал моего взгляда. Он посмотрел куда-то повыше моей головы и сказал:

— Ребята, шестеренку разбил не я, а Квасницкий. Он сам признался мне и Пал Палычу...

По столовой из конца в конец покатился гул. Кто-то затопал ногами, кто-то свистнул от удивления, а Манич схватил миску и начал барабанить ложкой по дну.

Ленька перегнулся через стол, вырвал у Манича миску и треснул его по лбу. Шум мгновенно затих.

— Ребята, — сказал Ленька. — Квасницкий разбил шестеренку случайно. Сначала он струсил, но потом перестроился. Я Квасницкого простил. Давайте простим все. Квасницкий мой друг, и я за него ручаюсь. Простим, ребята?

В столовой снова поднялся шум и кутерьма.

— Пр-р-авильно! — кричали со всех сторон. — Порядок!

До самого отбоя шумели возле палаток ребята. Все подходило ко мне и спрашивало — правда, что мы помирились с Ленькой, или

Ленька снова отлил какую-нибудь пулю. Я не знал Ленькиных намерений и поэтому говорил про дружбу вообще, не касаясь Леньки. Никто не понял моей хитрости. Ребята были довольны и не заставляли, чтобы я отвечал на вопрос одним словом — «да» или «нет».

Когда все думают, что ты помирился, — надо и в самом деле мириться. Я не помню подробностей, как мы встретились с Ленькой и ушли с ним подалее от палаток, чтобы нас не видела ни одна душа. Мы ходили с Ленькой взад-вперед по тропе и без конца говорили. Казалось, мы не виделись с Ленькой двести лет.

Мы вспоминали с Ленькой, почему поссорились, но так и не могли вспомнить. Ссора наша выросла, как снежный ком. Сначала она была с кулачок, а потом такая, что страшно посмотреть.

Секретов у друзей нет. Я рассказал Леньке, как выменял у оленьего пастуха пироп, как дрожал ночью в юрте и думал, что придется загорать там целых двадцать лет. Ленька внимательно выслушал меня и сказал:

— Не представляю, как ты можешь жить без меня. Ты ж пропадешь, как щенок!

Ленька всегда был зазнайкой, сгущал краски и смотрел на всех со своей колокольни. Но сейчас я умолчал об этом.

Ленька сразу же сказал, что надо писать письмо оленьему пастуху. Пускай ответит, где он нашел пироп и вообще, пироп это или не пироп.

Вечером, когда все ребята легли в кровати, мы взяли с Ленькой чистую тетрадку, конверт и сели к столу.

Ленька вложил письмо в конверт и четкими, будто в прописях, буквами, написал адрес:

«Колхоз «Кыым». Это письмо государственной важности. Просим срочно передать пастуху, который пас оленей возле Вилюя, который выменял алюминиевую флягу, которая раньше была у ученика седьмого класса «а» Квасницкого К. Просим не отказать».

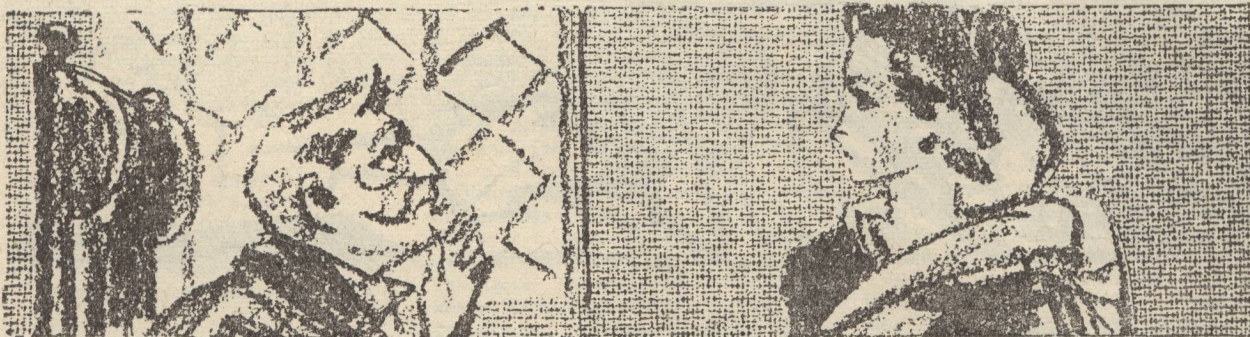
Ленька окончил писать, подчеркнул двумя черточками слова «государственной важности» и передал мне.

— А ну посмотри, ошибок нет?

Я сделал вид, будто не заметил Ленькиных «которых». Леньку хоть учи, хоть не учи, больше тройки по сочинению он все равно не получит. Это у него врожденный порок.

Мы заклеили письмо и побежали с Ленькой к почтовому ящику. Письма государственной важности надо отправлять немедленно.

Окончание следует

КРАСНЫЙ ШАРФ

Р. Брасильщикова

Гремят пушки, падают снаряды, все тесней смыкаются ряды коммунаров. В маршевой роте — стройная фигура темноволосой Луизы. Ее красный шарф развевается, как знамя, одежда ее пробита пулями, но Луиза не знает страха!

Она родилась в 1830 году недалеко от Парижа и воспитывалась в богатом замке, где ее мать работала служанкой. Хозяин, Этьен Демаи, бывший якобинец, в зимние вечера любил рассказывать о днях своей молодости, о Великой Французской революции. Луиза, примостившись тут же у камина, с замиранием сердца внимала этим рассказам.

Однажды в дом нагрянула полиция. Искали заговорщика, участника тайного общества, которого старый граф спрятал у себя в доме.

Полиция, решив, что девочка скорее, чем взрослые, выдаст беглеца, обратилась к Луизе:

— Скажи-ка, девочка, кто тут приходил к дедушке?

— Бабушка Верде, — без запинки отвечала Луиза.

— Обедал у вас вчера один господин?

— Да. У нас обедал господин священник.

— А ты не помнишь тех, что приезжали на прошлой неделе во Вронкур?

— Помню. То приезжали торговцы свиньями.

— Послушай, детка, у вас сейчас кто-то спрятался?

— Ну да, моя кошечка спряталась в платяном шкафу.

В продолжение целого часа молчала Луиза всякий вздор. Демаи был в восторге от ее конспираторских способностей.

Когда Луиза начала писать стихи, то одно из первых своих стихотворений она посвятила защитнику американских негров Джону Брауну. Она послала стихотворение знаменитому писателю Виктору Гюго. Гюго ответил ей, и между великим поэтом Франции и деревенской девочкой завязалась дружеская переписка.

Борцы за Свободу, Равенство, Братство, как живые, сходили со страниц прочитанных Луизой книг. Чего только не придумывала она вместе с братом Жюлем под впечатлением этих героических образов!..

В глубине двора, за колодезем, из кучи хвороста возвели они эшафот, на который взбирались попеременно и восклицали, воздев руки к небу: «Да здравствует Республика!» А потом их головы «падали» под ножом воображаемой гильотины.

Жизнь Луизы резко переменилась, когда умерли старый граф и графиня и в замок приехали их родственники. Чванным и спесивым буржуа никогда не нравилось панибратство покойного графа с простой крестьянской семьей.

Друзья матери помогают Луизе поступить на учительские курсы. Она оканчивает их. И вот в деревне Оделонкур появляется молодая учительница.

Ученики ее школы разучивают революционную «Марсельезу», а по воскресеньям, когда в церкви начинается молитва за здоровье Наполеона III, — с шумом покидают богослужение.

Однажды префект департамента Шомон вызвал Луизу к себе: она только что опубликовала в местной газете фельетон о римском императоре Доминициане.

— Вы оскорбляете Его Величество, — заявил префект, — сравнивая императора Наполеона с тираном, и если бы вы не были так молоды, вас сослали бы.

— Я действительно имела в виду Наполеона, — нисколько не смущаясь ответила Луиза. — Что же касается ссылки, то я не возражаю: заплатите только за мой проезд!

— А что бы вы там делали? — спросил представитель власти.

— Я бы открыла там школу для неимущих детей, — ответила смелая девушка.

Народ ненавидит Наполеона III, «Наполеона малого», как его презрительно называют. Народ мечтает о свержении тирана. О том же мечтает и Луиза.

Она перебралась в Париж. Днем она — скромная учительница, а вечером — пламенный трибун. Она произносит зажигательные речи перед рабочими. Она декламирует им свои стихи:

«Настал конец народному терпенью!
Мы рвались из оков, дрожа от возмущенья...»

Уже вокруг гремела
«Марсельеза»
И красным заревом пылал
восток.

Гвоздики красные, цветите
пышно снова!
Ведь если мы падем, то дети
победят!
Украстье грудь потомства
молодого!

...Французские рабочие хотели мира, труда и свободы. Но их ставили воевать. Опустошительная франко-прусская война выжимала из страны последние соки...

«В Монмартре было очень мало госпиталей, — рассказывает Луиза на страницах своего дневника, — и вот я и еще одна девушка решили сами создать больницу. Денег у нас не было ни копейки. И мы придумали следующее: мы брали с собой высокого национального гвардейца. Он шел впереди, примкнув штык к ружью, перевязанному моим красным шарфом, держа в руках кошелек. Все трое с мрачным видом отправлялись к богачам. Начинали с церквей. Национальный гвардеец шел посередине, стуча ружьем по плитам, мы обе — по бокам и собирали пожертвования у всех, начиная со священника. Богомольные дамы, бледные от ужаса, дрожащими ру-

ками опускали деньги в наш кошелек. Так была основана больница...»
И вот, наконец, памятная весна Парижской Коммуны!

Газета «Журналь Офисьель» пишет: «...В рядах 61-го батальона сражается одна энергичная женщина по имени Луиза Мишель. Она была ранена в форте Исси...» Но рана залечена и Луиза опять впереди.

На баррикадах Луиза встречает одного чудака, студента-математика. Студент хочет проверить свои вычисления, он жаждет определять углы падения версальских снарядов. Луиза принимает живейшее участие в исследованиях молодого ученого. Вокруг гремят разрывы, а студент и Луиза погружены в математические выкладки.

— Довольно! Вы с ума сошли! — кричат им друзья, оттаскивая обоих с опасного наблюдательного поста. И сразу же вслед за этим сюда падает граната, обращая в порошок «Курс высшей математики».

— Это вполне подтверждает мои вычисления, — невозмутимо говорит математик, стряхивая с плеч землю.

Рабочие не были подготовлены к захвату власти, и Парижская Коммуна потерпела поражение. Начались массовые аресты и казни.

16 декабря 1871 года Луиза Мишель предстает перед военным судом.

— Я не хочу защищаться и не хочу, чтобы меня защищали, — обращается она к судьям. — Так как в наши дни всякое сердце, бьющееся для свободы, имеет право только на кусочек свинца, я требую своей доли. Если вы оставите меня в живых, я не перестану призывать к отмщению!

— Молчите! Я лишаю вас слова! — кричит председатель суда.

— Я кончила, — спокойно отвечает Луиза Мишель, — если вы не трусы, убейте меня!

Государственный обвинитель требует для нее смертной казни. Но все же судьи не посмели убить Луизу Мишель. Ее приговорили к ссылке в Новую Каледонию.

Безумствует Тихий Океан, беснуются волны, и кажется, вот-вот перевернут они старый фрегат «Виргиния», увозящий в далекую ссылку парижских коммунаров.

Эти пассажиры едут не в каютах. Они заперты в железные клетки, по четыре человека в каждой. Власти делают все, чтобы коммунары не общались друг с другом.

Когда «Виргиния» отчаливала от берега, много друзей вышло проводить Луизу в ее далекий путь. Незнакомый человек подарил Луизе библию. В нее была вложена записка со словами ободрения. Эту записку Луиза сохранила на память, а библию выбросила в море акулам.

Четыре месяца длилось плавание, бывшее для всех мучительным. Но Луиза обладала железным здоровьем. Ни разу не заболела она морской болезнью, ни разу не пала духом. Всю жизнь мечтавшая о путешествиях, находит она здесь, в реве ветра, в рокоте морских волн, особую красоту:

«Буря, надувай паруса!
Выше вздымайтесь, волны,
сильнее бушуйте, ветры!
Пусть молния сверкает над
нашими головами,
Вперед, наш корабль, вперед!»

Когда по приезде в Новую Каледонию губернатор предложил ей и еще нескольким женщинам поселиться отдельно от товарищей, но зато в чуточку лучших условиях, Луиза решительно заявила: если их всех разъединят, то она и ее ближайшая подруга Андреа Лео тотчас же бросятся в океан.

Она пишет властям, прося о пересмотре тяжелой участи товарищей, описывая страшную каторгу на острове Ну, где томятся коммунары, скованные кандалами. Она убеждает, доказывает, протестует, находит возможность помогать тем, кто слабее, кто нуждается в помощи.

А кроме того, она собирает коллекцию редких растений, разводит особую породу шелковичных червей. И обучает туземных жителей-канаков грамоте. И когда там, где она живет, вспыхнуло восстание канаков — оно вряд ли неожиданно для ссыльной Луизы Мишель...

Голод, жара, возмутительное обращение надсмотрщика, тоска по родине — делают свое дело. Ссылные начинают гибнуть.

Кое-кому из коммунаров обещают помилование, амнистию — не всем, а лишь кое-кому, в том числе и Луизе. Но она и слышать об этом не хочет. Вот что пишет она губернатору:

«...Прошу оградить меня от оскор-

бительных выходок людей, которые, несмотря на мои категорические запрещения, публикуют от моего имени в газетах письма о помиловании. Я выйду отсюда только со всеми ссыльными и каторжниками».

В конце января 1879 года пришло разрешение на переезд Луизы вместе с другими ссыльными в город Нумею. Там она стала преподавать в школе пение и рисование.

Потом пришла, наконец, и амнистия, общая, для всех.

Уже скоплены деньги для отъезда на родину. Весь берег облеплен канаками, привязавшимися к Луизе, как к родной; шелестит густой кокосовый лес, хранящий песни и народные легенды. Сколько записала их Луиза! Недаром она прилежно учила и выучила канацкий язык!

На прощанье Луиза разорвала свой красный шарф, чудом уцелевший от времен Коммуны, а клочки раздала канакам на память.

Но и без шарфа осталась она той, кого боевые баррикадные друзья любовно звали когда-то «красной девой».

На фоне неба встают утесы из розового гранита и бледно-голубые холмы. Это — Сидней.

Консул не желает давать ей разрешения на возвращение во Францию.

— Ну что ж, — хладнокровно говорит Луиза, — я останусь жить в Сиднее. Я буду заниматься чтением публичных лекций.

— А о чем собираетесь вы читать лекции?

— О действиях французской администрации в Нумею, вероятно. Это заинтересует публику.

— Что же вы намереваетесь сказать?

— Я скажу о причинах восстания канаков, о закабалении чернокожих, о возмутительном отношении к ссыльным женщинам и детям. Право, разве я знаю сейчас, о чем я еще буду говорить?

Консул схватил лежащую перед ним бумагу и, с треском подписав свое имя, подал ее Луизе Мишель со словами:

— Можете отправляться восвояси. И вот сбегающая к морю Александрия. Сфинксы среди необозримых долин зеленеющего Нила. Туманные берега Англии, где судно блуждает больше недели, и, наконец, Дьепп.

Луизу встречают ее мать и сестра ее друга, Теофиля Ферре, расстрелянного во время Парижской Коммуны. Мария Ферре при виде Луизы горько разрыдалась.

— Не плачьте, — строго сказала Луиза. — Ваш брат умел умереть, нам надо суметь жить. — Лицо ее было сурово.

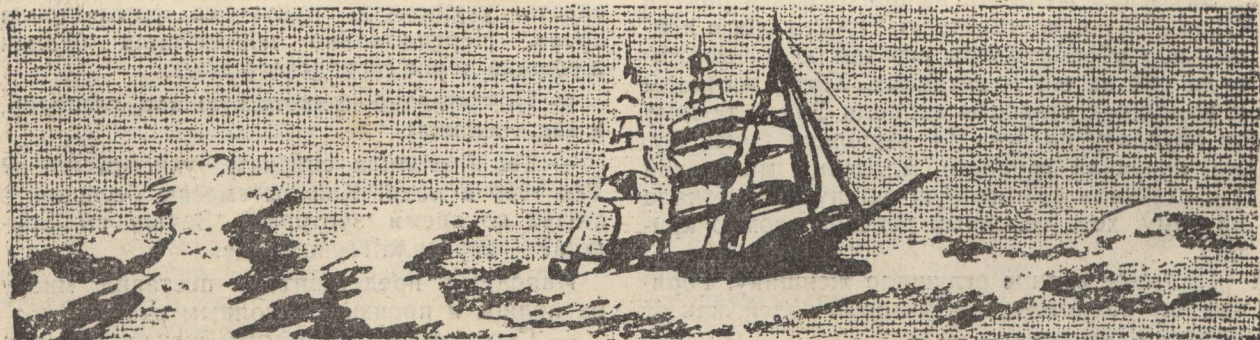
И опять она ведет революционную агитацию. Сидит в тюрьме. И пишет большую повесть в двух томах «Нищета», бунтарские пьесы и стихи. И неутомимо разъезжает по Франции с лекциями.

Во время одной из таких поездок, в городе Гавре, в нее стреляли. Револьверная пуля пробила ее шляпу и засела за ухом, в височной кости. Но Луиза добивается оправдания человека, который хотел убить ее: он простой рабочий, его обманули, судить надо не его, а тех, кто его послал!

И вновь она ездит по стране, рассказывая о днях Парижской Коммуны, о своих боевых товарищах.

Она скончалась накануне первой русской революции, в 1905 году. Она очень интересовалась революционным движением в России:

— Вот увидите, — говорила она, — там произойдут грандиозные события. Там будет революция, которая сметет царя и всю его бюрократию. И что самое удивительное, это что и в Москве, и Петербурге, и в Кронштадте, и в Севастополе — солдаты будут заодно с ней!

ДВА ПИАСТРА

Нго Тат То (1892—1954) — виднейший представитель реалистической вьетнамской литературы дореволюционного периода. Здесь помещен отрывок из его наиболее известного романа «Догорающий светильник». И теперь еще в неосвобожденных районах Южного Вьетнама сохранились те же страшные нравы и обычаи, против которых боролся и которые так ярко описал Нго Тат То.

Нго Тат То

Рисунки В. Зачиняева

Всякому, кто входит в ворота деревни Доаи, сразу бросается в глаза усадьба «Представителя народа» — господина Ке.

Высокие остроконечные крыши венчают вместительные склады, где хранится рис нескольких урожаев. Тут же — целые горы солом, высотой со смоковницу.

Здесь обитает не купец и не подрядчик, а просто ростовщик. Люди, бравшие у него займы, выплачивали господину Ке не менее десяти процентов. За малейшую ссуду, хотя бы в один пиастр, должникам приходилось закладывать рисовое поле или дом, либо же оставлять в залог ценную вещь. Усадьба, рисовые поля, дорогие сосуды, стоявшие в доме перед алтарем предков — почти все, что имел господин Ке — было отобрано им у неплатежеспособных должников.

В течение нескольких поколений семья Ке непрерывно богатели. Сам господин Ке, начав скромным деревенским старостой, достиг поста сначала супрефекта, а затем и префекта уезда. А затем он сумел так хорошо угостить мандаринов своего округа, что получил должность «Народного представителя».

Слава о господине Ке распространилась по всей провинции.

Однако он почти никого не принимал у себя дома. Скупость Народного представителя равнялась его расчетливости. Но при этом ему не были чужды порывы щедрости — на самые большие праздники, два раза в году, он всегда посылал высокопоставленным особам голубей, кур и корзины риса...

Зау и его жена Чи не приходились родней Народному представителю. Просто они с давних пор обрабатывали его землю и высаживали рис на его плантациях. Когда жандарм и помощник старосты забрали Зау в тюрьму за неуплату налога, Чи, выполняя наказ мужа, поручила грудного младенца маленькой Ти, схватила соломенную шляпу и выбежала из дому, хотя голодный ребенок громко кричал.

Палящее солнце оглушило женщину. Горячий пар поднимался от рисовых полей, как от кипящего котелка.

Но Чи Зау не боялась зноя — она привыкла к солнечным лучам, обжигавшим кожу. Надев большую шляпу, она шла не останавливаясь и вскоре добралась до усадьбы Представителя народа.

Большой, вымощенный каменными плитами двор лежал на самом солнцепеке. Нигде не видно было ни души.

Набравшись смелости, Чи вошла в ворота. Вдруг нивесть откуда выскочили собаки и бросились на нее. Со страху женщина присела на корточки и, размахивая шляпой, позвала на помощь. Из дома послышался резкий женский голос:

— Что ты орешь, как полоумная? В каждом доме есть собаки. Почему же ты не зашла палкой?

И снова наступила тишина.

Представитель народа и его жена завтракали. Услышав крики Чи Зау, госпожа Ке даже пальцем не пошевелила — как и подобало важной особе. Не в ее обычае было унижаться до того, чтобы отгонять собак от всяких горемык, приходивших просить в долг или наниматься батраками.

Псы, стремясь показать хозяевам свое усердие, не отставали от Чи Зау, единственное оружие которой — шляпа — уже была изодрана в клочья. Женщина отбивалась от рассвирепевших собак голыми руками, но в этот момент из кухни вышла батрачка с палкой и прогнала их.

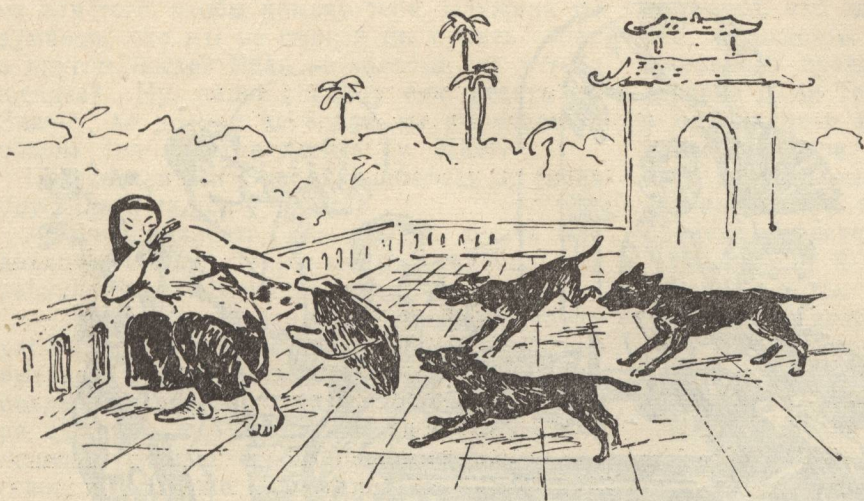
Чи поднялась и вошла в дом. Ей пришлось оторвать лоскут от своей кофты, чтобы перевязать укушенную руку — из раны текла кровь. Нерешительно переступила бедная женщина порог господского дома.

— Почтительно приветствую вас, господин, и вас, госпожа!

— Ты позволила собакам укусить себя? Так тебе и надо! Как ты смеешь беспокоить людей во время завтрака? Зачем ты пришла? — спросила госпожа Ке.

Народный представитель поставил миску на поднос и произнес с полным ртом:

— Сегодня утром ее муж сказал мне, что

они решили продать ребенка. Наверно, она пришла по этому делу.

— Да, господин.

— Выйди и подожди, пока мы кончим завтракать. Не докучай нам, — приказала госпожа Ке.

Оробевшая Чи Зау присела на полу веранды. Она впервые очутилась в доме хозяина, показавшемся ей роскошным, как в сказке.

После завтрака господин Ке велел слуге подать зубочистки. Хозяйка переложила остатки свинины в маленькую миску и отдала ее повару со словами:

— Я пересчитала — осталось четырнадцать кусков. Смотри, если хоть один пропадет — тебе не поздоровится!

Повар убрал со стола. Мальчик-слуга принес тазик с водой, куда хозяева обмакнули пальцы и вытерли ими рот. Двое слуг опахивали Представителя народа и его жену веерами. Госпожа Ке достала из круглой коробочки бетель. Ее муж взял кальян, набил его табаком и поднес трубку ко рту.

— Эй ты, женщина! Хочешь продать дочку? Зайди-ка, поговори с госпожой.

Чи Зау бесшумно подошла и присела у порога.

— Ох, мы в большой нужде, господин и госпожа! Благоволите помочь нам! Спасите нас! — робко произнесла она.

Госпожа Ке выплюнула жвачку в руку, ее губы, окрашенные соком бетеля, презрительно искривились:

— Не приставай со своими «помогите» и «спасите»! Если продаешь ребенка — я покупаю его, вот и все.

— Благодарю вас, госпожа!

— Твой муж сказал, что вашей дочке семь

лет и просил за нее три пиастра. Господин повелел и обещал дать два. Но потом нам сообщили, что ей всего шесть лет. Поэтому я уменьшу плату наполовину. Даю тебе один пиастр. Если согласишься, можешь привести девочку.

Чи опешила.

— Да как же так, госпожа!? Ведь моей дочке семь лет. Она родилась в первый месяц года Мыши. Мы не посмели бы обманывать вас!

— Не верю ни тебе, ни твоему мужу. Мне сказали, что девочке шесть

лет, значит так и есть. Почему я знаю, когда она родилась — в год Мыши, Мышонка или Кошки?

У несчастной матери язык прилип к гортани, и она не нашлась, что ответить. Жена Народного представителя продолжала:

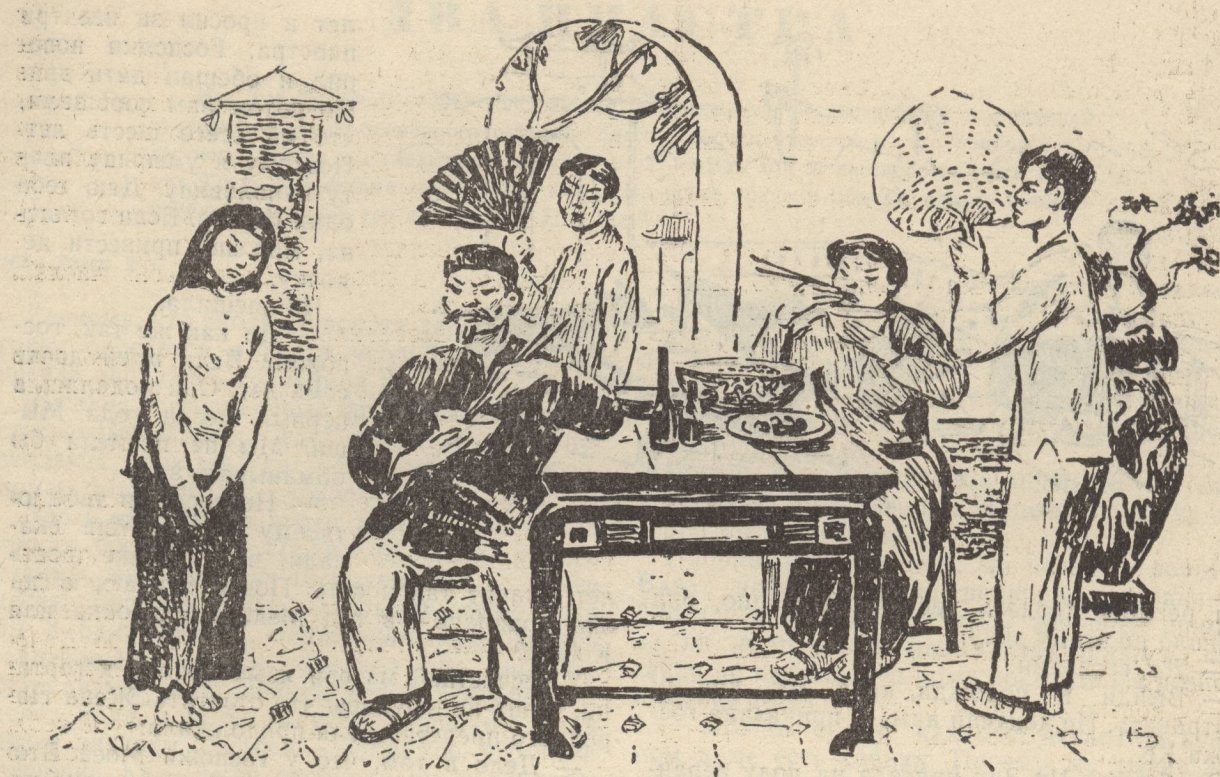
— Дело в том, что у госпожи Моей Второй Дочери нет детей. Она обращалась к нескольким ворожеям и все в один голос заявили, что если она возьмет в дом ребенка — ее судьба изменится. Вот я и решила купить твою дочь, чтобы помочь госпоже Моей Дочери. Уж не думаешь ли ты, что у меня не хватает слуг? Твоей девочке всего шесть лет, на что она годна? Зачем же мне переплачивать? Если она поступит в услужение к госпоже Моей Второй Дочери, она будет всегда сыта и одета. Ты должна понять, что для нее счастье — попасть в наш дом... По-моему, вам следовало бы отдать дочку даром... Я плачу за нее пиастр — и то уж слишком дорого. Не упирайся же!

Чи Зау стояла молча и неподвижно, словно окаменевшая...

Хозяйка крикнула слугам, чтобы подали чай.

— Ну так как же? Ведь я предлагаю тебе выгодное дело, — сказала она, отхлебнув из чашки.

— Да, госпожа, — ответила Чи со слезами на глазах. — Я понимаю, что для моей девочки — счастье поступить в услужение к вам или к госпоже Вашей Второй Дочери. Но ведь мы вынуждены обратиться к вашему милосердию потому, что нам не достает более двух пиастров для уплаты налога. Если мы получим только один пиастр, нам все равно негде раздобыть остальное. Поэтому я

умоляю вас, господин и госпожа, протяните нам руку помощи!

Представитель народа заорал:

— Какое нам дело, чего у вас там не хватает? Уж не собираешься ли ты переложить все свои заботы на наши плечи?

Чи Зау, смутившись, вытирала глаза краем кофты, и госпожа Ке решила утешить беднягу:

— Если тебе не хватает еще одного пиастра, подумай — может быть у тебя найдется еще что-нибудь для продажи? Я слышала, что у тебя есть поразительно умная собака...

— Верно, госпожа. Но она только что ощенилась, а новорожденные щенята никому не нужны. Иначе нам не пришлось бы продавать дочку.

— Сколько щенят? Они уже открыли глаза?

— Четверо, госпожа. И они уже два дня, как смотрят. Может быть, вы одолжите мне два пиастра под какие угодно проценты, а дней через десять, когда щенята подрастут, я продам их на рынке и верну вам долг.

Госпожа Ке недовольно поморщилась.

— Ты, видно, думаешь, что деньги для меня все равно, что пустые ракушки, и я могу бросать их пригоршнями. Вот как мы договоримся — я куплю и собаку и щенят. Тащи их сюда всех, и я дам тебе пиастр. Вот у тебя и наберется два пиастра. Да еще прямая выго-

да — не надо кормить ни дочь, ни собаку. Повезло же тебе!

И торжествующая госпожа Ке повернулась к мужу:

— У меня просто слабость к беднякам! Другим людям до них и дела нет. У других не находится времени для доброго дела!

Чи залилась слезами и бессильно опустилась на порог.

— Ах, госпожа, я понимаю, что вам очень жаль нас! Но все-таки, госпожа, щенята не так уж дешевы... и за собаку я смогла бы получить на рынке не меньше одного пиастра пятидесяти су. Умоляю вас, госпожа, прибавьте хоть немного!

Представитель народа вышел из себя и закричал:

— Довольно болтать! Неси свою суку на рынок! С тобой только время теряешь! Мы из жалости хотели купить щенят, а ты еще плачешься, что мало даем! Отправляйся туда хоть сию минуту!

Но видя, что Чи Зау поднимается, госпожа Ке удержала ее:

— Такие люди, как ты, всегда хотят, чтобы им дали луну с неба. Разве можно жалеть таких? Ты же знаешь, что теперь нельзя тянуть с уплатой налога. И если уж мы снисходим до того, что покупаем у тебя щенят, которые едва-едва прозрели, то делаем это толь-

ко для того, чтобы помочь тебе. Неужели ты думаешь, что мы не смогли бы купить собак в другом месте? Ведь не золотые же у тебя щенята?.. Ну, ладно, накину еще десять су. Значит, за дочь и за собак ты выручишь в общем два пиастра десять су. Идет?

Несчастливая Чи Зау заколебалась и снова опустилась на пол у порога.

— Ваша милость, для вас на десять или двадцать су больше или меньше — небольшая разница. А для меня это очень важно.

— Ты просто ужасная женщина, голубушка! Видишь, что у нас доброе сердце и хочешь вытянуть все, что можно! Ну, так и быть, добавлю еще десять су. Всего будет два пиастра двадцать су. Если согласна — обратись к нашему учителю, чтобы он составил тебе договор о продаже. Заплатишь ему двадцать су за бумагу и чернила. Поняла?

Чи Зау в отчаянье воскликнула:

— Значит, я принесу домой всего два пиастра?

Но тут Представитель народа вышел из терпения:

— Сколько же, по-твоему, тебе причитаются? Может, дать тебе еще двадцать пиастров, да? Хватит! Мы и так переплачиваем. Если ты согласна — составим договор о продаже. Не хочешь — убирайся вон!

Бедная женщина поднялась и ответила, горько плача:

— Я согласна. Благоволите сказать господину учителю, чтобы он составил для меня бумагу.

Хозяйка крикнула:

— Эй там, кто-нибудь! Сходите в классную за учителем и пришлите его сюда.

...Учитель явился с ручкой, бумагой и чернилами. Его прическа — пучок, заколотый шпильками — делала его похожим на воспитателя в старой школе, а не на современного преподавателя. Но поскольку держать домашнего учителя считалось более аристократичным, чем воспитателя, хозяева заставляли старика исполнять эту роль.

Выслушав указания хозяина, учитель важно склонился над столом и углубился в работу.

Прошло десять... двадцать... тридцать минут. Наконец учитель поднял голову и повернулся к Чи Зау.

— Слушайте, я прочту вам договор, а потом вы приложите палец.

Женщина приблизилась к нему маленькими, робкими шажками. Учитель откашлялся, чтобы прочистить горло, и начал монотонным голосом:

— «Мы, нижеподписавшиеся, настоящим

признаем, что одолжили у госпожи Хоан Ти Сео, пятидесяти восьми лет, законной жены Народного представителя Тран Люк Ке из деревни Доаи Тон, пару золотых серег, весом в одиннадцать граммов, стоимостью в двадцать пиастров. Срок возврата определен в пять дней. Если мы не вернем серьги, владельцы имеют право требовать свою вещь обратно и преследовать нас по суду.

Составлено в деревне Доаи Тон.. числа... месяца ... года».

Чи горячо возразила:

— Вы ошиблись, господин! Я продаю дочь и собак, а с чего вы взяли, что я одолжила у госпожи золотые серьги?

Представитель народа вынул изо рта зубочистку.

— Никто тебя не обманывает. Новые законы строго запрещают продавать детей. Значит, приходится составлять договор о продаже так, чтобы в нем не говорилось ни о девочке, ни о собаках. Пока твоя дочь останется в услужении у госпожи Нашей Второй Дочери, все будет так, как если бы этой бумагой не существовало. А в противном случае она даст возможность посадить в тюрьму и тебя, и твоего мужа. Договор этот написан только для того, чтобы предупредить какое-нибудь жульничество с вашей стороны, а не с целью обмануть вас. Неужели ты считаешь, что мы унизимся до этого? Надо все предвидеть. Понятно?

Исчерпав свое красноречие, Представитель народа снова взял чашку, отпил глоток чаю, громко выполоскал рот и выплюнул на пол.

— Теперь все зависит только от тебя. Если доверяешь нам — приложи палец к бумаге и дай потом ее подписать мужу. А затем отнесешь к старосте своей деревни, чтобы он заверил этот документ. Когда принесешь обратно — получишь деньги. Или разговор окончен. Никто тебя не неволит.

Слезы текли ручьем по лицу бедной Чи. Она словно приросла к месту и стояла неподвижно, опустив голову. Наконец, собравшись с силами, решила и, подняв перевязанную руку, протянула два пальца. Учитель намазал их чернилами и приложил к договору.

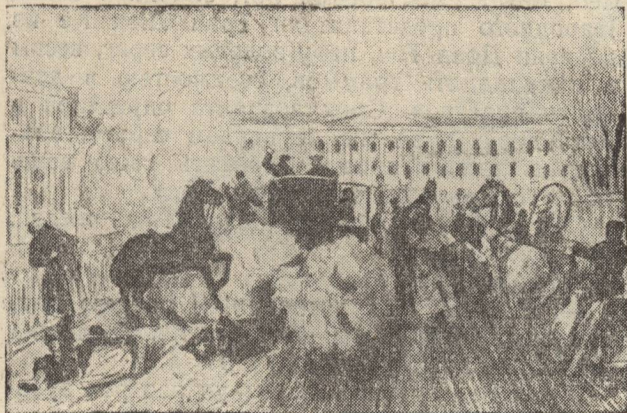
Чи Зау сложила бумагу и засунула ее за пояс. Она спустилась с веранды и подобрала обрывки своей шляпы, изодранной собаками. Поколебавшись, она покрыла ими голову и низко поклонилась на прощанье хозяевам.

Когда Чи уже выходила из ворот, вслед ей донесся последний наказ госпожи Ке:

— Не забудь хорошенько укрыть щенят, чтобы их не напекло солнце.

Перевела с французского В. Гинзбург

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ РИСУНКИ

Я рылся в архивах — искал материал о революционере Николае Кибальчиче, о его соратниках-народовольцах.

В одном из номеров старой газеты «Московские ведомости», в отчете о судебном процессе над участниками убийства царя Александра II, я вдруг заметил такие строки: «Всех присутствующих на суде поражает меткостью и быстротой своего карандаша английский художник». Художник? О нем ничего не сообщают историки! Листаю английские иллюстрированные журналы той поры. И вот в «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», в журнале, который, помните, любил ежедневно читать мистер Филеас Фогг, жюльверновский герой из «В 80 дней вокруг света», — в этом самом журнале нахожу рисунки «нашего специального художника в Петербурге», как сообщает редакция.

Тогда фотография не была распространена широко, как сейчас. И зарисовки, сделанные по следам события, имеют для нас почти документальную ценность.

Вот три рисунка из «Иллюстрейтед Лондон Ньюс»:

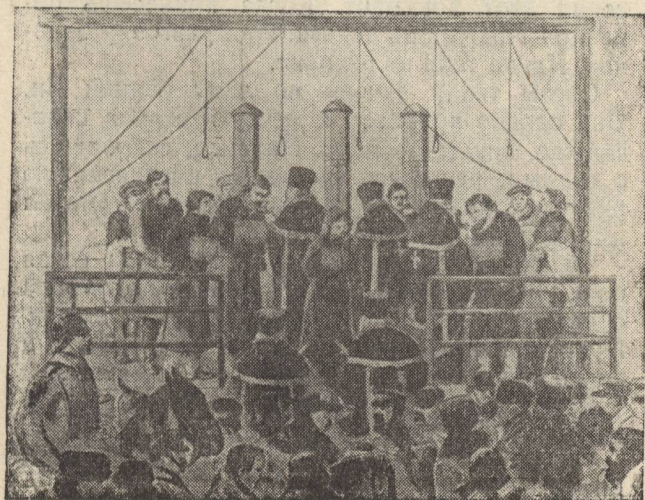
1 марта 1881 года. Набережная Екатерининского канала. Только что Рысаков бросил первую бомбу: она раздробила задок кареты, но царь остался невредим. Он выходит из кареты, а навстречу ему из своих санок устремился начальник личной охраны. Через секунду Александра настигнет вторая бомба системы Кибальчича, которую бросит народоволец Гриневицкий.

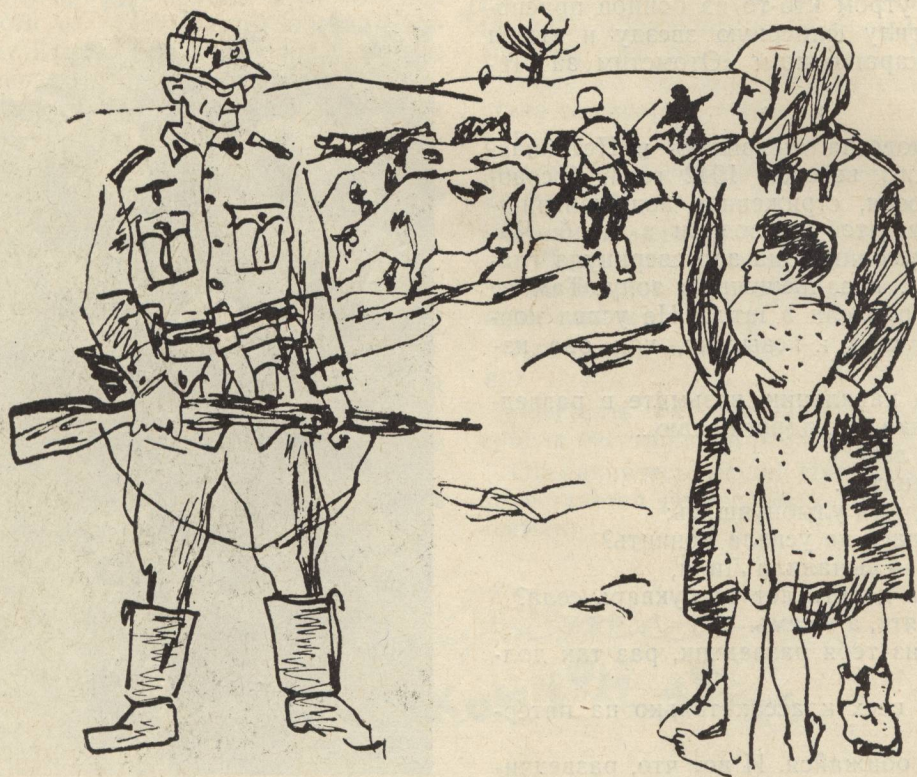
А ниже изображено, как по приказу нового царя, Александра III, окапывают траншеей Зимний дворец. Хотя до ближайшего жилого здания от Зимнего было несколько сот метров, царь боялся, что его взорвут в собственном доме, и принял меры для охраны.

Когда революционеров казнили, к ним на эшафот поднялись попы с крестами. Народовольцы были безбожниками, но они все же поцеловали крест: так им приказала их организация, чтоб не оттолкнуть темный народ, который боялся «нехристей». Вы видите, с каким отвращением целует крест Кибальчич (крайний справа).

А в правом нижнем углу — видите? — бородастый человек, снявший цилиндр. Это сам английский художник, имя которого нам неизвестно. Он обнажил голову перед мужеством русских революционеров.

М. Хейфец

Б Е С Т Р А Ш Н А Я

И. Гладких

Рисунок Ю. Шабанова

Кусты зашевелились, и на прибрежную полянку осторожно выскользнула девочка. Осмотрелась, достала платок. Условный взмах руки... Вместо ответа — выстрел. За ним — другой. Острая подкашивающая боль в ногах. И мысль: «С нашего берега! Почему?»

Девочка медленно опустилась на песок.

Два берега Дона — два врага. На левом, пологом — наши, на правом, крутом — фашисты. С крутого берега плеснуло несколько автоматных очередей. Пологий ответил. И застучали, захлопали берега, опережая друг друга.

В штабе 727 полка раздался телефонный звонок. Чернявый лейтенант поднял трубку. Густые брови подскочили. Бросил трубку — и к начальнику.

- «Пятая» ранена. На том берегу.
- Переправить, — сказал начальник.
- Шквальный огонь, товарищ комполка...
- Переправить, — повторил начальник.

Бой разгорался. К винтовкам и пулеметам пристроился крупнокалиберный пулемет. От нашего берега, из-под кустов, выскользнула лодка с тремя бойцами. Вокруг забурилась вода. На середине реки один боец выпустил весло из рук и повалился в лодку. Товарищи быстрее заработали веслами. Бурлящий круг замыкался. Через секунду на волнах плавали только щепки да две пилотки...

Разведчики из первой траншеи видели, как девочка с трудом добралась до воды, как порвала платье и тряпками забинтовала ноги, как долго пила, опустив лицо в воду, а потом сникла.

Разведчики не глядели друг на друга. И не могли поднять голову. Здесь был пристрелян каждый метр.

Только к вечеру, когда тени деревьев опустились с высокого берега и прикрыли реку, удалось наладить переправу. Первым переплыл Дон чернявый лейтенант, подполз к девочке. Она была мертва.

Похоронили ее на своем берегу. Салютовать не стали, чтоб не дразнить фашистов стрельбой. А утром кто-то из бойцов приспособил на могилу фанерную звезду и вывел чернильным карандашом: «Отомстим за Лилю!»

* * *

...Лиля Федодеева появилась в Петропавловке июньским вечером 1942 года, босоногая, черноволосая, стриженная под мальчишку. Требовала, чтоб проводили в штаб. Часовой был неумолим. Она зло сверкнула глазами и ушла... в запрещенную зону. Там ее задержали и привели в штаб. Не успел конвоир поднять руку к козырьку, как она из-за спины:

— Товарищ начальник, возьмите в разведчицы! Я местная, все дороги знаю...

— Сколько лет?

— Шестнадцать...

Начальник, чуть улыбнувшись:

— Какой класс не успела кончить?

— Шестой! — выпалила Лиля.

— Значит, в десять лет за букварь села?

— Не в десять, а в семь.

— Плохой из тебя разведчик, раз так долго училась...

— Да я во всех классах только на пятерки!

— Н-ну, не обижайся. И вот что, разведчица, — начальник встал из-за стола, — иди-ка ты домой. А то разведкою, где родители, пучок крапивы перешлю...

Вернулась Лиля под утро. Мокрая. Платье рваное. Руки расцарапаны. Зубы выбивают: цок-цок-цок... У самого штаба столкнулась с чернявым лейтенантом.

— Ты куда?!

Оттолкнула его, двери нараспашку — и к начальнику. Смело подошла, положила на стол сверток в грязной тряпке, кивнула: «Оттуда».

Начальник быстро развернул сверток, удивленно вскинул глаза. По законам разведки нельзя брать с собой даже малого клочка бумаги, а тут...

— Откуда взяла?

— Где взяла, там нету, — буркнула Лиля. Губы у нее дрожали. Видно было — устала страшно.

— Лейтенант! — крикнул начальник. Вбежал чернявый.

— Гляди — план огневых точек! Девчонку накормить, уложить спать. Сам — ко мне.

Так Лиля стала «Пятой». Отчаянная, упрямая. Другие разведчики придут с того берега — три дня отдыхают, она почти каждый день плавает. Не отпускают — еще хуже: са-

12 декабря 1963 года на торжественном открытии обелиска бесстрашной разведчице петропавловские ребята приняли в почетные пионеры мать Лили — Клавдию Тихоновну Федодееву

ма уходит. И лейтенант ее ругает, и начальник, а она свое: «Зоя не отдыхала...»

Наденет старенькое платье, для отвода глаз веревку возьмет — хворост собирать, и — прощай! Вернется — и на следующий день отлично замаскированные орудия фашистов взлетают на воздух от метких ударов нашей артиллерии.

Скоро фашисты стали лютовать. В каждом жителе подозревали партизана или разведчика. По деревьям шли разговоры про девчонку, которая переплывает Дон и собирает хворост под самым носом немецких батарейцев. Из Колыбелки дошли слухи, что в комендатуру вызывали каких-то людей и обещали большие деньги за голову «Кляйне Медхен» — так ее называли.

Разные люди жили в селах прифронтовой зоны. Были такие, что фашистам в рот смотрели, а за деньги и отца родного не жалели.

Последний раз Лиля ходила далеко в тыл врага — в село Екатериновку. Это было 10 августа 1942 года. Жители Колыбелки по-

могли нам восстановить некоторые события того дня.

В Колыбельку пришел приказ: всех жителей и скот вывести из села. Немцы погнали народ в сторону Екатериновки. В поле, на краю оврага, остановили. Стали сортировать: людей — в одну сторону, скот — в другую. Тут и появилась на дороге девчонка с мальчишеской челкой. Ее держал за руку немецкий ефрейтор. Спрашивал о чем-то. Она зло смотрела на него и молчала.

Из толпы выскочила женщина, обняла Лилю.

— Манька, родная! Где ж ты пропадала? Та биз з ней з коровой!.. Дочка моя, дочка, — объясняла она немцу.

Немец, как видно, поверил. Отпустил. В эту минуту раздалась автоматная очередь. Другая, третья. Дико замычали коровы — их расстреливали.

Потом людей загнали в овраг — появились советские самолеты.

— Беги, девка, беги! В Германию угодят..., — шептала Лиле та женщина. И Лиля убежала. До Пасеки, до переправы она добралась благополучно. И белым платком помахала, как было условлено. Но ответного сигнала не увидела. Только выстрелы услышала со своего берега.

Вот и все, что мы знаем пока о Лиле Федодеевой, бесстрашной разведчице 727 стрелкового полка.

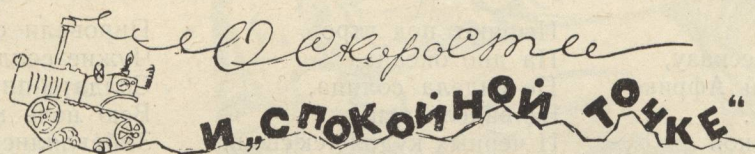
Жив ли чернявый лейтенант, который обучал Лилю искусству разведки?

Как попала ей в руки карта немецких огневых точек?

Кто ходил с Лилей на вражескую сторону?

Известны ли кому-нибудь обстоятельства гибели бесстрашной разведчицы?

Откликнитесь, люди! Пусть ни один подвиг не останется неизвестным, ни одно имя — забытым.

Этот трактор не вышел за ворота завода, но благодаря ему создана небывалая, не виданная ранее тракторная скорость.

...Обычная скорость трактора 3,5—4 километра в час. Этой скорости уже тысяча лет, она старше самого трактора. Так же медленно двигался когда-то по полю запряженный в плуг вол. Именно скорость вола копировали первые тракторостроители и не старались добиться большей. Возможности техники были тогда еще совсем иными.

Сегодня скорости машин растут от года к году. Пришла очередь и трактора. Конечно, невозможно, да и не нужно тянуть плуг или сеялку со скоростью реактивного самолета, но увеличить скорость трактора, например, вдвое — необходимо. Только так можно сделать труд трактористов более производительным.

Немало хлопот доставил инженерам Харьковского завода первенец сельскохозяйственной техники. Увеличат скорость — станет сильнее тряска. Трактор так трясет, что выходит из строя его

электросистема, не выдерживают хрупкие свинцовые пластины аккумулятора. И, главное, тряска невыносима для водителя. А ведь трактор идет по неровному полю. За день тракториста может так «укачать», что и работать он не сможет...

В разных точках трактора колебания неодинаковы. Где посадить тракториста, чтобы его трясло как можно меньше?

Поставили опыт. Трактор, словно новогоднюю елку лампочками, «утыкали» щупальцами приборов — пьезоэлектрическими датчиками. С их помощью определяли величину колебаний. Для испытания построили дорогу с барьерами — чтобы сильнее трясло!

Инженеры нашли точку наименьших колебаний, «центр комфортабельности», как назвали ее тракторостроители. Пришлось перетаскивать кресло водителя, рычаги управления и приборы на новое место. Но не будешь же так делать каждый раз: строить опытный экземпляр, а потом перетаскивать все агрегаты, если место тракториста не совпадает с этим центром. Значит, нельзя «на гла-

зок» определять эту важную точку. Надо знать, по каким законам она перемещается.

По каким законам? Этот вопрос возник у инженера заводского расчетно-теоретического бюро Вениамина Яковлевича Аниловича.

Инженер Анилович шел непроходимой дорогой, отыскивая математический закон, определяющий величину колебаний каждой точки трактора. Трактор совершал опытные пробеги, инженер Анилович выводил длинные строчки математических формул. Результаты первых опытов — графики колебаний трактора при испытательных пробегах — послужили основой, откуда начинался поиск. Решалась задача со многими «иксами» и «игреками», со многими неизвестными.

И вот она решена. Сегодня тракторостроители многих заводов страны уверенно рассчитывают самую спокойную точку, в которой располагается кабина тракториста. И можно сказать, что водители тракторов новых марок «уютней» чувствуют себя за штурвалом, чем на тихоходных старых стальных конях.

Р. Федоров

Д Ж У Б А

Исай Тобольский

1.

Я сразу скажу,
Приступая к рассказу,
Что в солнечной Африке
Не был ни разу.
Ни разу в далекой
Нигерии не был,
Ни разу не спал
Под тропическим небом.
Не видел, как в полночь
Всплывает луна
На спинах китов
С океанского дна.
Как синие звезды,
Крупнее банана,
Ныряют под утро
На дно океана...
Я не был в Нигерии,
Не был покуда.
Но знаю я девочку
Родом оттуда.
У девочки этой,
У маленькой Джубы,
Кудряшки-черняшки
И белые зубы.
Глаза у нее
На оливы похожи...
Но девочка эта
Не видела тоже,
Как в тихую полночь
Всплывает луна
На спинах китов
С океанского дна;
Как синие звезды,
Крупнее банана,

Ныряют под утро
На дно океана.
Не видела солнца,
Не видела птиц
И черных кудряшек своих
И ресниц.
И даже не видела
Маминых глаз...
Вот здесь и начнется
О главном рассказ.

2.

По сумрачным джунглям,
По нивам примятым
Шагали, шагали,
Шагали солдаты.
Чужие солдаты
Из дальней страны —
От ветра, от зноя,
От злобы черны.
И черная пыль
Застилала, как мглой,
Веселое небо
Над грустной страной.
Шагали, шагали,
Шагали солдаты
По сумрачным джунглям,
По нивам примятым.
И полночь в деревню
Солдат привела,
Где с матерью
Девочка Джуба жила.
Всю ночь напролет

Рисунки Т. Канустиной

Пировали солдаты,
Чужие солдаты,
Солдаты-пираты.
Всю ночь напролет
Забавлялись стрельбой,
Слонялись по хижинам
Пьяной гурьбой.
А утром,
За десят минут до рас-
света,

Рассвет придавив,
Полыхнула ракета.
И рухнуло небо,
Пробитое взрывом,
Взвился ураган
Над Бенинским заливом...

3.

Потом написали
Об этом в газете,
О том, что случилась
Беда на рассвете,
Что будет расстрелян
Тот пьяный солдат,
Который
В «случайной беде»
Виноват.
И только не вспомнили,
Не рассказали,
Как люди
Живыми кострами
Пылали;
Как девочка Джуба

От горького пепла,
От моря огня
И от страха ослепла.

4.

Стоит тишина
Над Бенинским заливом,
Скользит ветерок
По цветущим оливам.
Затихли шаги
Чужеземных солдат.
Теперь им сюда
Не вернуться назад.
Теперь уже Джубу
Никто не обидит...
Но Джуба уже
Никогда не увидит,
Как солнечным утром
Бывает красив
Зеленый и синий
Бенинский залив.
Она не увидит
Ни звезд, ни луны,
Ни птиц, ни людей,
Ни цветов, ни волны.
Она не увидит
Рассвета ни разу...
Вот здесь бы и время
Кончаться рассказу.
Но слышите, люди,
По Африке снова
Солдатских ботинок
Грохочут подковы.
И снова по джунглям,
По нивам примятым
Шагают, шагают,
Чужие солдаты.
Чужие солдаты
Из дальней страны —
От ветра, от зноя,
От злобы черны.
И кажется мне,
Что неслышно ступая,
Всегда на пути у них —
Джуба слепая.
Чтоб людям запомнились
Горе и муки,
Чтоб люди ту ночь
Позабыть не могли —
Стоит она,
Вскинув сожженные руки,
У всех на виду,
Посредине Земли!

Уважаемая редакция!

Я прочитала в журнале «Костер» статью Густы Фучиковой о ее друге и чешском герое Юлиусе Фучике. Я хотела бы рассказать о Густе Фучиковой т.к. с нею я хорошо знакома. Во время войны я была узнана франшистами в Германии. Нас бросили в концлагерь Равенсбрюк в декабре м-це 1942 г. Вот здесь в 1943 г в сентябре я познакомилась с Густой Фучиковой. Ежедневно мы встречались на работе, куда нас гоняли с раннего утра и до темна заставляли работать под прицелом эсэсовок и собак. Густа Фучикова связана была с коммунистами, которые сидели в заключении давно, у них была налажена связь с подпольщиками. От них Густа узнавала о событиях на фронте и ежедневно сообщала их нам. Густа делилась с нами кусочками хлеба, помогала темным словам, не давала раскисать. Несмотря ни на что, говорила она, мы не должны перед франшистами всаить головы. А у нее у самой было большое горе. В то время мы еще не знали о Юлиусе Фучике, она нам рассказывала, как ее арестовали, очень грустна о Клеке, боялась за него, что франшисты расправятся с ним. Ее опасения были не напрасны. Меня за месяц до освобождения за то, что мы в лагере ломали машины, делали брак, бросили в штрафной блок. И только благодаря тому, что нас вскоре освободили, я осталась жива. С Густой в 1961 году я стала переписываться. А в 1962 году в марте, когда она посетила Советский Союз, я встретила ее в Москве в доме друзей.

г. Калинин В.И. Ковалева

Я долго думала написать или нет вам о Густе, а потом решила написать; может, то, что я знаю о Густе Фучиковой интересно будет узнать редакторам. Ведь они не знают ужасов войны и просто никогда не узнают. У меня тоже двое детей. Но пусть знают, что пришлось пережить их отцам и матерям во имя победы.

Корреспондентка «Костра» Л. Мельникова съездила в Калинин и встретила там с Верой Ивановой Ковалевой.

Рассказ, записанный со слов Веры Ивановны, мы решили назвать так:

УЛЫБАЙСЯ НА ЗЛО ВРАГУ

Были три подружки: Вера Ковалева, Надя Шевкаленко и Маша Соколенко. Сначала их заставили наматывать катушки для радио-аппаратуры, затем перевели в барак, где резали листовое железо. Там они познакомилась с Густой Фучиковой.

До войны Маша Соколенко училась в Смоленском педагогическом институте. Хотела стать преподавательницей. Знала на память уйму стихов.

И вот что случилось однажды.

Скрип-скрип — скрипят металлические ножницы. Жестко шуршит жесть. Шагает по мастерской, заложив руки за спину, надзирательница-эсэсовка.

— И вдруг — шепот:

«Я к вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?»

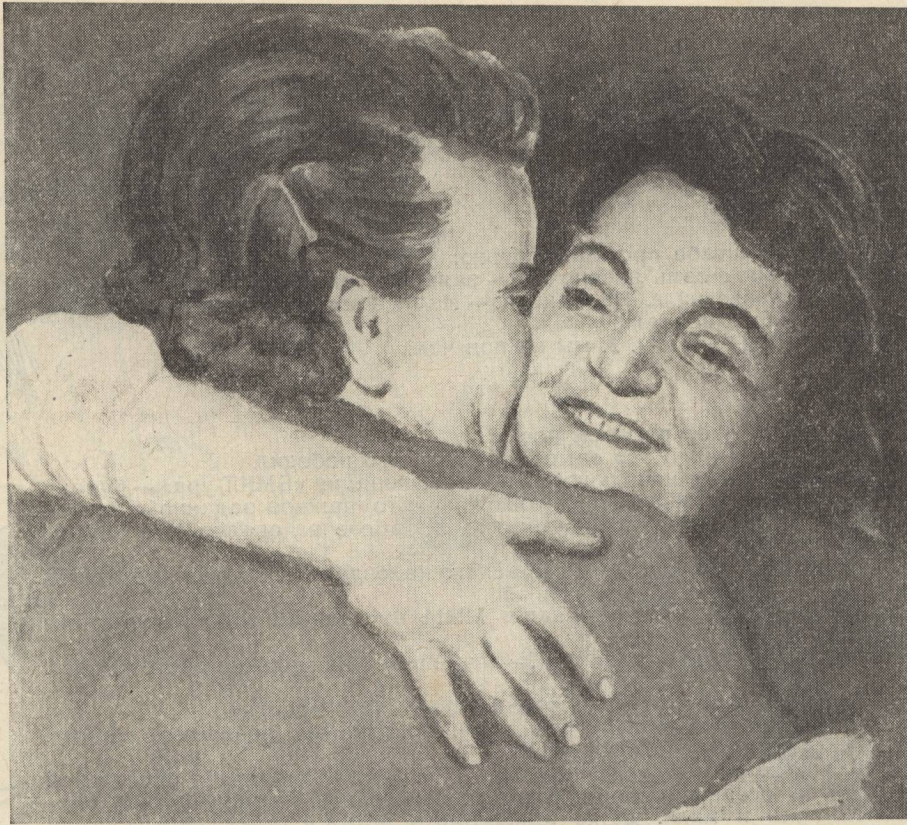
Теперь я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать...»

Обернется эсэсовка, ищет — где шепчутся? Но тут, как нарочно, металлические обрезки с грохотом летят в общую кучу — и ничего уже не слышать.

Снова шагает фрау. И опять:

«Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видать вас,
Чтоб только слышать ваши речи...»

Это Густа Фучикова учит русский язык. Это записывает она под диктовку Маши письмо Татьяны к Евгению Онегину — чтобы запомнить наизусть.

ЧЕРЕЗ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ. Встретились Густа Фучикова (справа) и Вера Ковалева.

Надзирательница уже дошла до конца барака. Сейчас повернется, постоит и опять зашагает по узкому проходу. Шаг, еще шаг...

*«Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает
И молча гибнуть я должна...»*

— Ruhig!

Эсэсовка видит бумагу и карандаш. Она вырывает их из рук Густы. Ножницы вмиг перестают скрипеть.

Знаете, какие наказания существовали в лагере? Лишение пищи, холодный душ на морозе, бункер, крематорий...

Эсэсовка записала номер Густы: значит, доложит коменданту.

— Простите ее, фрау, — говорит соседка Густы, коммунистка Марта Рейхслова. — Это всего лишь запись веселой песенки. О любви. Vor Liebe.

— Liebe!?! — переспрашивает надзирательница. И обводит взглядом высохшие лица, бритые головы, полосатые халаты. И хох-

чет: — Вы интересуетесь любовью, свиньи? Вы еще хотите любить?!

Ее смех спас Густу. Комендант Равенсбрюка ничего не узнал.

И узницы продолжали резать железо. На них было жесткое тряпье, на ногах — деревянные колодки. Они получали жидкий суп с гнилой брюквой раз в день. В бочках с раствором хлорной извести стирали они одежду и сушили, положив под себя на ночь.

Им не оставили даже человеческих имен: номер — на грудь, номер на спину.

Но они слышали, как прилежно твердит Густина Фучикова пушкинские строки, как повторяет она шепотом:

*«Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...»*

И понимали, что это значит.

Это значило: живи на зло врагу! Улыбайся на зло врагу! И песни, и стихи, и небо над головой — все твое, пока ты остаешься человеком!..

Запутались

Фельетон В. Сулова

Рисунки Г. Ковенчука

Совещание главного штаба проходило бурно.
— Мы заслужили сорок семь звездочек! — заявил командир эскадрона.
— За наш счет! — взвизгнула Налимкина. — Из-за этих БСЭ нашим ППП противные ТТТ всю операцию сорвали!
— Нет! Это ТТТ у ППП украли. А мы ни при чем!
— Нет, БСЭ!
— Нет, ППП!
— Нет, ТТТ!

Главный Конструктор утер рукавом нос:
— Дело не в том, кто у кого это самое... Важно, кто победил.
— Правильно! — поддержал начальник штаба. — Операция «БМКТ-ура» — бумажная макулатура и операция «МТ2Л» — металлолом — это важное задание и дружеское соревнование по инициативе и смекалке в работе на свалке. Кто больше этих качеств проявил — тот и победил.

Начальник штаба был поэтом. В дни красного календаря его стихи появлялись в местной печати.

— Законно, — кричал Стуликов, — наши МММ прошли 36 морских миль! Мы первые!...

— Эх ты, вакуум! — перебил космонавт. — Мы пролетели тысячу световых лет! Понял?

Начальник штаба сосредоточенно шевелил губами. Он бормотал:
— Сейчас мы прибавим к километрам очки, приплюсуем звездочки, сложим с количеством световых лет и получим ответ.

Но решить задачу не смогла даже команда ТТТ. Наука оказалась бессильной складывать километры со звездочками. Счеты протестовали: им не под силу оказалось плюсовать очки и мили. Даже арифмометр встал в тупик перед суммой процентов и световых лет.

Начальник штаба сказал:
— Ерунда какая-то получается, впору отчаяться...
— Не ерунда, а кибернетика! — подскочила Налимкина. — Нужна кибернетическая машина!

* * *

Стеклянные двери института бесшумно открылись и закрылись, впустив в здание взволнованную толпу ККК, ППП, ТТТ, МММ и БСЭ.

— Машина у нас, конечно, умная, — сказал ученый в белом халате, — но все-таки следует кое-что уточнить. Вот, к примеру, ККК... Что это?

— Команда Космического Корабля!

— А ТТТ?

— Труд, Техника, Творчество! — объяснил Главный Конструктор.

— А МММ?

— Мы молодые моряки, — отрапортовал Стуликов.

— ППП?

— Первая Пионерская Помощь, — засуетилась Налимкина, — мы, понимаете, организовали в своем отряде горсовет, звенья переименовали в микрорайоны, являем где что, что где...

— Гм... Ну, а БСЭ? Бьюсь об заклад, это связано с Большой советской энциклопедией...

— Никак нет! — вытянулся кавалерист. — Боевой Следопытский Эскадрон!

— Та-ак... А в общем-то вы все, наверно, пионеры?

— Пять отрядов дружины, — уточнил начальник штаба, он же председатель совета, он же главный школьный поэт.

— Но причем тут ППП, ТТТ...

— Для романтики, — подсказала Налимкина.

— Значит, в романтике запутались?

— Нет, в арифметике. Вы нам, пожалуйста, машину включите.

Ученый взял у начальника штаба листок с расчетами, вложил его в машину и нажал кнопку.

Сначала машина гудела ровно. Потом начала икать, шипеть, закашлялась и, наконец, чихнула. Из квадратного окошечка вылетела карточка. На ней было напечатано:

$$\text{ППП} + \text{ТТТ} + \text{ККК} + \text{БСЭ} + \text{МММ} = \text{Ч} + \text{Е} + \text{П} + \text{У} + \text{Х} + \text{А}$$

МЫ НАЗАД НИ ШАГУ!
НЕ ДАДИМ БУМАГУ!

МММ

БСЭ

ЧТО?

ГДЕ?

Малина — неприхотливое растение. Об этом хорошо знают садоводы. Вырастить ее легче, чем другие ягодные кусты. Воткнешь корешок в землю, а через год собирай сочные вкусные ягоды.

Кедр

Самое долгоживущее наше дерево — дуб. Он может прожить до 1000 лет. Сосна до 600, а 500—400 лет — предел для ели. Самые старые сейчас березы посажены еще в середине XVIII века.

Меньше всего живет ива. Рябина, серая ольха и осина — около 100 лет. Правда, в редком случае деревья доживают свой век спокойно. Обычно задолго до предельного возраста их губят ветровалы, пожары, насекомые-вредители, гниль.

Безвременник

Настурция, которую можно видеть на клумбах, — не только яркий цветок, но и съедобное растение: во Франции ее незрелые семена идут для приготовления салата.

Весь процесс зарастания на одном камне

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Все любят вкусные кедровые орешки, но мало кто знает, что растут они не на кедре, а на сибирской сосне. Она — родственница ливанского кедра, у которого орехов не бывает.

Почти третью часть сибирских необъятных лесов занимает наш «кедр». Расселению его очень помогает пестрая птица ростом с галку — кедровка. Осенью она делает запасы орехов на целый год. Набрав под язык в мешочек

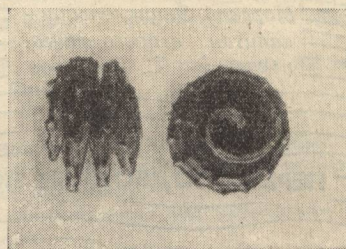

штуку сто орешков, кедровка прячет их. Когда собран весь урожай, кедровка делает не менее двух с половиной тысяч новых кладовых. Но не все припрятанные в мох или мягкую землю орешки кедровка потом поедает. Значительная часть их остается в земле и прорастает.

Листья-самозванцы

Радуют северян привезенные зимой с Кавказа зеленые ветки рускуса. Но мало кто знает, что «листья» рускуса — видоизмененный стебель. На обратной стороне такого «листа» невзрачные мелкие цветочки. А где же листья? Тонкая иголочка на конце листа-самозванца и есть то, во что превратился настоящий лист.

Безвременник

Осень — время плодов и семян, но маленький колхикум только осенью начинает цвести. На юге, по горным склонам, и на сырых лугах Литвы и Латвии появляются его фиолетовые цветы без стеблей и листьев. За стебель можно принять длинную трубку венчика, а завязи не найти — она спрятана внутри луковицы.

Весной у колхикума цветов нет, появляется стебель с листьями и коробочкой семян. В семенах содержится ценное лекарственное вещество — колхицин, его используют в медицине.

Все не вовремя у этого удивительного растения! Поэтому и называют его безвременником (колхикум — латинское название).

Что это!

Скорее всего, ракушка — подумает всякий, глядя на фотографию, и ошибется. Угадать трудно. Это боб с семенами дикорастущей люцерны. Вырастает люцерна ранней весной, когда еще мало других трав на пастбищах горной Туркмении. Овцам после зимних сухих кормов сочная люцерна приходится очень по вкусу.

Жизнь на камне

Хороши Хибинские горы! Но голыми и безжизненными кажутся их вершины. Даже в середине лета ущелья, полные снега, белют на хмурых склонах. На некоторых камнях, однако, можно заметить серые и коричневые пятна.

Это первые поселенцы — накипные лишайники. Невзрачные на вид и неприхотливые, они извлекают пищу из воздуха, пыли, мельчайших частиц камня.

Живые лишайники выделяют кислоты, разъедающие камень, а отмершие дают питание более требовательным — кустистым и мхам. Сплошной ковер — правда тонкий и непрочный — образуют эти мхи. Ковер — кладовая питательных веществ для трав и для брусники, черники, камнеломки. Тонкие, сильно развитые корни ягодника скрепляют дернину. Но только когда появляются деревья, не отдельные деревца-разведчики, а целое войско из тонких елей и веселых березок, можно считать окончательной победой живого на камне.

Процесс зарастания продолжается многие сотни лет. Ближе к вершинам гор продвинулись лишайники, внизу на склонах — деревья. В тех краях можно встретить камни, где виден сразу весь процесс зарастания: пятна накипных лишайников, кустистые лишайники и мхи, дернину с брусникой и черникой, над нею елочки и рябинки.

Рисунки Ел. Бианки

3

Главный редактор
Морской Энциклопедии —
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

ПЕРВЫЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

Кто и когда первым опустился под воду — неизвестно. В глубине веков теряются сведения о первых водолазах.

А вот когда были построены первые подводные лодки, известно. Двести-триста лет назад. Из дерева.

В 1620 году двор английского короля Иакова I был взволнован известием, что приезжий голландец-врач Корнеллиус ван Дребель испытывает на реке Темзе подводное судно. Подводная лодка Дребеля была построена из дерева и обшита промасленной кожей.

«Кроме пассажиров, в ней помещалось 12 гребцов и 3 офицера. Она делала переходы по нескольку часов на глубине от 12 до 15 футов (4—5 метров!). Отверстия для весел были снабжены укупорками, чтобы они не пропускали воды...» — так описывал лодку ученый Роберт Бойль.

Ван Дребель уверял всех, что открыл секрет «квинтэссенции воздуха»: изобрел жидкость, которая делает испорченный воздух снова пригодным для дыхания. Трудно поверить — ведь химию тогда знали плохо! Изобретатель умер, так и не открыв никому секрета...

Прошло сто лет и ко двору другого монарха — русского императора Петра I — прибыл с прошением крестьянин Иван Никонов — плотник и корабельный мастер. Он просил дозволения построить «потаенное судно», которое могло бы плавать под водой. Петр разрешил. Никонов построил из досок небольшую модель и в присутствии Петра опустился в ней под воду.

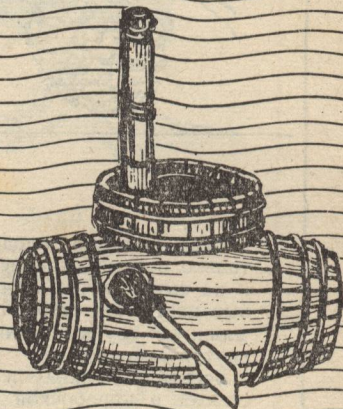
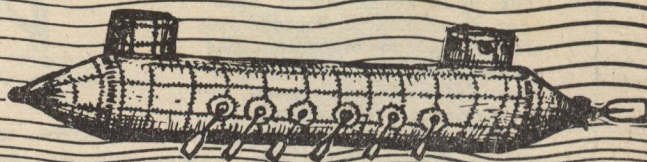
Старания Никонова построить новое большое судно окончились неудачей. Петр I вскоре умер. Адмиралтейские чиновники жестоко обошлись с крестьянином: Никонов был сослан на астраханскую верфь и погиб там в неизвестности.

Вот уже двести лет ученые пытаются угадать: как были устроены эти первые подводные лодки? Можно думать, что у них был бочкообразный корпус, весла для движения... Воздух, вероятно, поступал через трубку, поднятую над поверхностью воды.

А как же таинственная жидкость ван Дребеля? Скорее всего, — ее не было.

В

ХВАТАЕТ ЛИ МОРЯКАМ СЛОВ!

Ну конечно, хватает! Другой моряк как начнет рассказывать — не остановишь. Сыплет — одно слово завыристой другого: тут и румбы, и вахты, и девиация, чего только нет...

Так, да не так. Я и сам раньше думал, что морякам слов не занимать. А вот как начал изучать морских животных да растения морские — так и понял: морякам слов не хватает. Вот только послушайте, что растет на морском дне: морская капуста, морской салат, морская трава. А кто там живет? Морские гребешки, морские анемоны, морской ерш, морской конек. А кто плавает в океане? Морская корова, морской полугай, морской окунь... Все морской да морской, а сами-то имена — сухопутные!

ПРО КИТОВ

- Есть ли ноги у кита?
- Раз спрашиваешь, значит, есть.
- А вот и нет. Прежде были, а теперь только несколько косточек под шкурой осталось на память: предки кита по земле ходили!
- А может кит кричать?
- Может.
- А утонуть?
- Тоже может: ведь кит-то зверь, а не рыба! Дышит-то он воздухом.

А ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИТЕ, КАКИЕ БЫВАЮТ КИТЫ

Кашалот, зубатый кит. Питается кальмарами. Если ему повстречается кальмар-архитеутис — между гигантами завязывается борьба.

Синий кит — самый главный из китов. Длинной бывает за 30 метров, а весом — до 200 тонн.

Дельфин. Он ведь тоже кит. Только маленький. Младший брат громадины — синего кита. Дельфина мы все знаем — он у нас в Черном море водится.

Горбач. За длинные плавники его еще называют длинноруким китом.

Косатка. Кит-убийца. Стаей, как волки, бродят косатки по океану. Горе тюленям или дельфинам, которые попадутся на пути стаи.

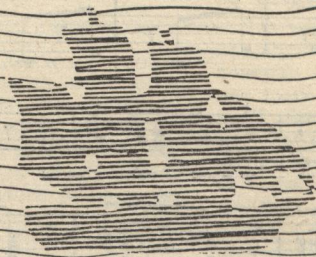

МОРСКИЕ ВРАКИ

- Рассказать, как я акулу поймал?
- Расскажи, только чур — больше трех раз не врать.
- Ладно. Жил я прошлым летом на берегу Черного моря. Акул в нем — видимо-невидимо...
- Раз!
- ...Пришел я как-то на берег. Надел водолазную маску, залез под воду. Вижу, идет по дну пешком рыба...
- Два!
- ...а за ней вторая крадется. Вот-вот первую схватит. Приловчился я — цоп! — хищницу за хвост. Схватил и выбросил на берег. Вылез — лежит на песке акула. Сунул я ей в рот палец...
- Три! Ну, брат, довольно. Пять минут не говорил, а наврал — сборок бочек.

Ребята! А как вы думаете: много ли наврал моряк? Может, он сказал неправду и не три, а четыре, пять раз? А может — ни одного?

Напишите нам. Лучший ответ мы напечатаем в Морской Энциклопедии.

ПО МОРЯМ ОТ «А» ДО «Я»

ВЕТЕР бывает: навалный, отбойный, «Егор сорвал шапку», лобовой, побережник, водогон, покачень, листопад, полуножник, баргузник, бора, бурун, весняк, гарматан, горник, лобач, моряна, обедник, падун, перекал, подносуха, противник, свежак...

Сам догадайся, почему его так величают. А какое имя присвоили ветру в ваших краях? Сообщи в Морскую Энциклопедию!

ВЕХА — раскрашенный шест. На шесте шар, флаг, плетенный из прутьев конус. «Внимание!» — говорят вехи. Завидев их, корабли послушно меняют курс.

«Оставь меня на север»

«Оставь меня на запад»

«Оставь меня на восток»

«Оставь меня на юг»

У КОСТРА

Слова Е. Тараховской

Музыка В. Соколова

Подвижно

Мы пес-ни рас-пе-ва-ли у

mf *f* *rit*

на-ше-го кост-ра, не спа-ли на при-ва-ле до са-мо-го ут-ра! Ка-кой мы на-ва

ad lib rit *p*

ри-ли на-ва-рис-той у-хи! ка-кой на-го-во-ри-ли ве-се-лой че-пу-хи!

Для повторения

cresc *Б* *Б* *М* *dim*

се-ло-му, кост-ру!

Для окончания

М *f* *sf* *sf*

Мы песни распевали
У нашего костра,
Не спали на привале
До самого утра!
Какой мы наварили
Наваристой уха!
Какой наговорили
Веселой чепухи!

И шуму было столько
И столько суеты,
Что мы вспугнули волка,
И он сбежал в кусты!
Сказал медведь мохнатый,
Присевши на пенек:
«Досадно мне, ребята,
Что я не паренек!

И я бы с вами вместе
Попробовал уха,
Горланил ваши песни
И выучил стихи!»
Умолкли птицы на ночь,
Притихло все в бору...
Садись, Михал Иванович,
К веселому костру!

ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Некто, не имеющий собственного экипажа, — гласило объявление в газете «Московские ведомости» от 6 апреля 1840 г., — ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках; на Девичьем поле, в доме проф. Погодина; спросить Николая Васильевича Гоголя».

— Эх, будь у меня собственный экипаж, только б меня в Москве и видели! — воскликнули в этот день

сотни читателей газеты, узнавшие в авторе объявления автора прославленной комедии «Ревизор».

— Этот Гоголь однако не дурак! — подумали другие, кто, может, и держал собственный экипаж, но не был силен в знании русской прекрасной словесности.

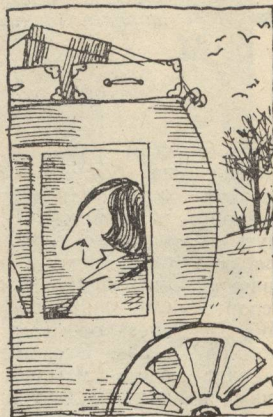
Как бы предвидя, что его предложение не приведет в восторг обладателей экипажей, Николай Васильевич тут же сообщил о себе (это место вычеркнула цензура), что он — «человек смирный и незаносчивый», что своему попутчику он «не будет делать всю дорогу никаких запросов», и все путешествие «будет спать вплоть от Москвы до Вены».

Сначала желающих ехать в Вену не находилось, но потом дело приняло благоприятный оборот.

18 мая 1840 г. Гоголь и его попутчик выехали из Москвы.

До Варшавы они ехали в «собственном экипаже», потом пересели в дилижанс, а под конец — ехали по железной дороге.

Путешествие из Москвы до Вены продолжалось ровно месяц.

Виктор Гюго обратился с письмом к инженеру Надару, который потратил все свои деньги на строительство геликоптера.

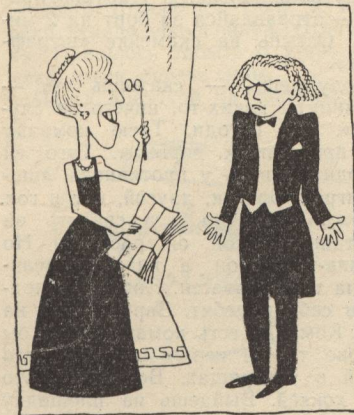
«Дело, — писал Гюго, — требует общественной подписки: пусть всякий даст столько, насколько он верит в силу и способность геликоптера, чтобы, наконец, составить капитал и иметь средства исследовать, возможно или нет винтовое плавание по воздуху».

Эту заметку я выбрал из журнала «Семейные вечера», вышедшего 100 лет тому назад. Геликоптер! Аппарат, который даст возможность путешествовать без дорог! О нем долгое время мечтали люди. 50 лет назад журнал «Задуманное слово» писал:

«Австрийский инженер Шефер изобрел новый тип автомобиля, который имеет всего два колеса — спереди и сзади. В нем можно будет ездить по самым узким тропинкам. Изобретение Шефера имеет особое значение для России, где дороги большею частью неудобны для моторного движения...»

Сейчас там, где дороги неудобны для моторного движения — в тайге, в горах, в пустыне, — мы пользуемся именно геликоптером или, как мы его теперь называем, вертолетом. Впрочем, и внук шеферовского двухколесного автомобиля должен быть вам знаком. Вы догадались, что я имею в виду?

МЕСТО ДЛЯ БАНКИРШИ

Казалось, что ни один лондонец не хочет пропустить гастроль прославленного пианиста из России Антона Рубинштейна. Все билеты на его выступление были раскуплены необычайно быстро.

За несколько часов до концерта Рубинштейну сообщили, что его хочет видеть какая-то дама. Незнакомка назвалась женою одного богатого банкира из Сити.

— Мистер Рубинштейн, — начала она. — Я очень хочу побывать на вашем концерте. Но мне сказали, что в кассе нет ни одного билета.

— Мне очень жаль, сударыня, — смущенно отвечал музыкант, — однако и я сегодня располагаю всего лишь одним местом в зале...

— Вот и прекрасно, — оживилась жена банкира. — Уступите это место мне! Я думаю, что мы легко сойдемся в цене.

— Не знаю, устроит ли вас это место... — неуверенно начал пианист.

— О, не беспокойтесь! Я заплачу вам любую сумму!

— Не знаю, устроит ли вас это место, — продолжал Рубинштейн. — Ведь единственное место в зале, которое я могу вам предложить, — это мое место за роялем.

Вот это мысль!

Истинное красноречие — это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно.

Ларошфуко

Ласковое слово лучше мягкого пирога.

Русская поговорка

Мудрый говорит о том, что он думает, умный — о том, что он видит, а глупый — о том, что он съел.

Монгольская поговорка

В. А.

Кому подчиняется шайба?

Что за вопрос, скажете вы! Кому как не советским парням, завоевавшим в Инсбруке золото олимпийского хоккея...

А что привело нашу команду к замечательной победе?

Вот что рассказал хоккейный «академик», заслуженный тренер СССР, тренер сборной команды страны АНАТОЛИЙ ТАРАСОВ корреспонденту «Костра» Юрию Коршаку.

* * *

Если посчитать, сколько каждому виду спорта лет, то выйдет, что хоккей один из ветеранов. Даже футбол, которому в прошлом году стукнуло 100, и тот выглядит чуть помоложе. Но для нас эта игра еще совсем недавно была новинкой. Лишь 19 лет назад советские спортсмены познакомилась с шайбой. До этого играли мячом на большом поле. Новая игра с виду тоже нехитрая. Взяли наши ребята длинные и тонкие, словно спички, клюшки, а шайба не слушается. Разгонится игрок, шайба куда-то ускользнет. Захочет ударить клюшкой — раз! Клюшка пополам, а шайба на месте. В общем сначала не все ладилось.

В это самое время хоккеистам сказали: поезжайте-ка на чемпионат мира, попробуйте свои силы, поучитесь у зарубежных мастеров. Надо сказать, что в странах, где нет зимы, вроде Австрии и Японии, шайбу уже знали лучше, чем мы, северяне. А про шведов, американцев, чехов, канадцев и говорить нечего. Было отчего оробеть. Многие ведь соперники выглядели куда опытнее нас. Особенно канадцы — не случайно хоккей часто называют «канадский», так сказать, по месту рождения.

Борьба сложилась так, что судьба золотых медалей решалась как раз в поединке СССР — Канада. На удивление всем наши разгромили основоположников хоккея. Канадцы потом долго недоумевали и, качая головами, говорили, что у русских есть какой-то секрет. А никакого секрета не было и в помине, просто наши не оробели и дали настоящий бой лучшим хоккеистам мира. Произошло это за десять лет до инсбрукского триумфа.

Когда команды выходят на лед, многие игроки обязательно подъедут к своему вратарю и будут невзначай хлопнуть клюшкой по его широкому кожаным щиткам. Таков обычай хоккея, товарищи словно ободряют вратаря — «давай, играй как следует».

На площадке вратарь — фигура особенная. Даже правила как бы ставят его над всеми игроками. Допу-

стим, развязался у вратаря шнурок на ботинке — будьте любезны все остановить игру, подождать пока он не приведет в порядок свою громоздкую амуницию. Кстати, вратарские доспехи весят около пуда! Если же сам вратарь нарушит правила, ему опять послабление — «наказание» отбывает за бортом другой игрок. Это потому, что от вратаря очень многое зависит. Он самый главный охотник за «черной бабочкой». Шайба так и норовит впорхнуть в ворота. Вот и приходится то ловить ее в полете, то бросаться в гущу игроков под коньки и клюшки. Не зря сейчас вратари закрывают лицо специальными легкими масками.

Вратарь должен быть очень хладнокровным человеком. Про знаменитого шведского голкипера Геля Свенсона его коллеги в шутку говорят: «Чтобы услышать от нашего Геля вечером ответ, надо задать вопрос утром». К этому, видно, стражей ворот приучает их суровая «специальность». Надо неотрывно следить за шайбой: чуть зазевался и тогда тащи «улов» из сетки своих ворот.

Я по опыту знаю, что старшие ребята всегда отправляют в ворота самых маленьких, ибо сами хотят забивать голы. Ну что ж, не надо спорить, в воротах играть ничуть не легче, а главное не менее интересно, и сразу это почувствуешь. Кем бы чем в поле. Любопытно, что скажут твои старшие приятели, когда не забудь тебе гол? Сразу поймут, что за фигура вратарь в хоккее.

Что нужно, чтобы научиться хорошо играть?

Прежде всего, разумеется, надо выучиться крепко стоять на коньках и быстро бегать. Для этого никаких особых рецептов не нужно. Достаточно регулярно ходить на каток. Но чтобы играть в хоккей, одного этого маловато. Как правило, в матче забивают много шайб, но тот, кто думает, что хоккей — это только красивые голы, ошибается.

Вот ты получил шайбу и на всех парах мчишь к чужим воротам. Обвел одного соперника, другого... Вдруг толчок и ты растянулся на

льду. Это защитник, как говорят в хоккее, тебя «принял на корпус». Короче, встретил грудью и ты не устоял на ногах. Судейский свисток молчит. Силовой прием проведен правильно. Поднимайся, подбирай клюшку и снова в борьбу. Обижаться тут не на кого. Еще «примут на корпус», опять молчи и играй. Таков хоккей.

Не вздумай отомстить «обидчику», иначе быть беде. Грубо зацепишь противника клюшкой, неправильно толкнешь — свисток! Судья тут как тут и поднимает вверх руку с двумя вытянутыми пальцами. Нарушил правила — отправляйся за борт на 2 минуты. Остынь на скамейке «штрафников».

«Подумаешь, — скажешь ты, — две минуты каких-то, ничего не случится». Но погоди. Твою команду уже прижали к воротам. Туго ей приходится, ведь у противника лишней игрок. Бросок, другой, вот и гол.

Можно, конечно, все свалить на защитника, какой он растяпа. Но растяпа-то не он, а ты! Гол целиком на твоей совести. Нагрубил, подвел и себя и ребят. Заруби себе на носу. Команда есть команда. Как бы здорово ты ни играл, прежде всего думай о товарищах. Вот какая это игра хоккей. Выйдешь на площадку и сразу это почувствуешь. Кем бы ты ни играл — вратарем, защитником или нападающим.

Только не подумай, что все это доступно лишь каким-то гигантам... Вот, к примеру, братья-близнецы Борис и Евгений Майоровы. Эти молодые ребята из московского «Спартака» постоянные игроки сборной страны. С виду они не ахти какие богатыри. Когда первый раз еще школьниками пришли записываться в хоккейную секцию, их даже не хотели принимать из-за роста. Но близнецы не отступили.

А теперь как они запутывают на площадке в хороводе комбинаций соперников с громкими титулами! Не раз сражались они с канадцами, шведами, американцами. Идет звено Майоровых в атаку, а навстречу вы-

катывается канадский защитник, этакий детина, весом килограммов 80—90. Кажется, сейчас сомнет маленького нападающего. Да не тут-то было. Хоккейные близнецы — настоя-

щие ледовые бойцы. Их не испугает, смело идут на сближение. Так что дело не в росте и силе. Хоккей — отличная игра. Недаром даже футбольные болельщики, сидя

на трибунах, подбадривают теперь игроков на зеленом поле дружным возгласом: «шай-бу, шай-бу!» Потому что только самым смелым подчिनется шайба.

ПОСЛЕ ПЕРЕЛОМА

Судья, взглянув на рулетку, объявил:

— 4 метра 99 сантиметров...

— Слабовато... — обменялись замечаниями болельщики. — Слабовато прыгают в Жданове...

Это показалось Вале особенно обидным. Ведь еще в 1960 году Валя вошла в тройку сильнейших бегунов Донецкой области. Установила областной рекорд по прыжкам в длину — 5 метров 40 сантиметров. Несколько лет упорных тренировок под руководством опытного тренера Михаила Михайловича Брыскина легли в основу рекорда. Но кому тут объяснишь, что бывают неожиданности, что можно поскользнуться, сломать ногу и услышать от хирурга: «С прыжками придется проститься...»

Не так уж много недель отлисталось в календаре между выпиской из больницы и неудачным выступлением в Измаиле. И вот Валя прыгает... Не лучше всех, но прыгает!

А впереди — снова тренировки. Подготовка к новым соревнованиям. Чтобы прыгать хорошо, надо отлично бегать стометровку. Надо попробовать свои силы в пятиборье.

Долго готовилась Валя к предстоящей Всесоюзной спартакиаде школьников. Отрабатывала технику прыжка. Пришлось забыть о море, о пляже, чтобы не расслабляться, беречь силы.

Перед поездкой на спартакиаду на первенстве Укра-

Валя Аношина
на тренировке

ины Валя заняла второе место, прыгнув 5 метров 58 сантиметров, проиграв харьковчанке Наде Башкировой один сантиметр...

И вот Волгоград. Стадион полон народа.

Первая попытка. Вторая. Разбег, толчок, взлет и приземление... Разбег, толчок, взлет и приземление...

Судья объявил результат. Валу бросились поздравлять подруги, окружила толпа фотокорреспондентов. Родилась новая чемпионка! Ее лучший прыжок — 5 метров 99 сантиметров.

В Жданов летит телеграмма: «Брыскину тчк поздравляю тчк спасибо за все тчк 5 тчк 99 тчк первое место тчк Валя»

А впереди новая дорога, дорога длиной в один сантиметр — к званию мастера спорта.

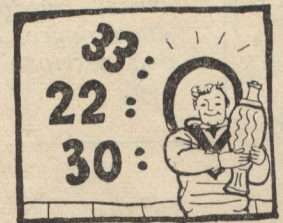
В. Пашутин

Фото Н. Кладити

БЫЛЫЕ ПОБЕДЫ КАНАДЦЕВ

Своеобразный рекорд установили хоккеисты Канады на первом олимпийском турнире. В предварительных играх они победили всех своих соперников с «сухим» счетом: Швецию 22:0, Чехословакию 30:0 и Швейцарию 33:0!

БРАТЯ РАДЫ...

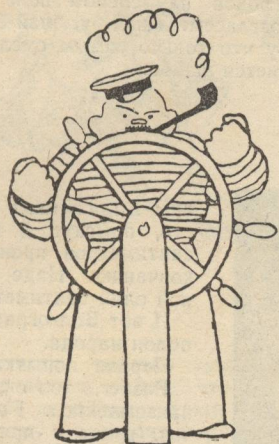
Двенадцать лет не виделись братья Тикел. Один из них — Зденек — жил в Австралии, другой — Франтишек — в Чехословакии. Какова же была их радость, когда они встретились... в Скво-Вэлли, в США! Оба брата увлекались хоккеем и попали в национальные команды своих стран. Встреча состоялась на льду в первый день олимпийского турнира.

ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

В специальном руководстве для судей и игроков, изданном канадским союзом хоккеистов-профессионалов, среди прочих необходимых наставлений есть следующее: «Укус человека столь же опасен, как и укус животного, и требует немедленной медицинской помощи».

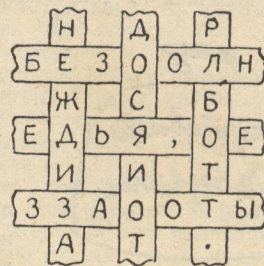
Подарки Боцману Румпелью

Должен вам сказать, юные мореходы, что в марте я праздную свой любимый праздник — Весеннее равноденствие. Старые друзья к этому дню присылают мне подарки — конечно, загадочные, в моем вкусе. Получила два подарка и в этом году.

ПЕРВЫЙ ПОДАРОК мне прислали друзья из группы «Вперед», с которой мы ходили в поход в прошлом году. К целому пакету рисунков была приложена записка: «Поздравляем с Равноденствием! Посылаем рисунки. Из названия каждого рисунка нужно взять две смежные буквы. Они могут стоять в начале, в конце или в середине слова. Из этих букв, дорогой боцман, составитесь ваше любимое изречение».

ВТОРОЙ ПОДАРОК мне принесла Даша из экипажа яхты «Костер». Она принесла шесть кусков разорванной бумажной ленты, на которой было что-то написано. Эти обрывки переплетены рогожкой. Я-то с удовольствием разгадал, что было написано на ленте. Попробуйте и вы.

Боцман РУМПЕЛЬ

На обложке рисунок Н. Кустова к очерку «Красный шарф»

На третьей странице обложки рисунок Б. Семенова

Редактор В. В. Горюныгин

Редакционная коллегия: Т. А. Буценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Паптелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тербилинский (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернышова, Ю. А. Юрман (зам. редактора)

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор

А. А. Дворановская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-21319.

Подписано к печати 18/II 1964 г.

Формат 84×108¹/₃₂.

Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л.

8.8 уч.-изд. л.

Тираж 279 900 экз.

Заказ № 31.

Цена 25 к.

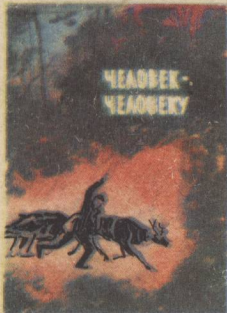
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вкладки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

КНИГИНЯ

Графы, графини, князья да княгини
голову кружат нашей книжине.

К жизни книгиня спиной повернулась,
в дряхлую книжку книгиня уткнулась,
из-за обложки не разглядела
ни настоящих книжек, ни дела.

ПРОЧТИ ЭТИ КНИГИ:

А. Марнуша „Дороге нет конца“. Р. Погодин „Ожидание“. Н. Сладков „Смелый фотоохотник“. „Человек-человеку“ — рассказы ленинградских писателей. А. Минчковский „Тринадцать разных историй“. В. Каверин „Три сказки“.

91
082
0098